

МИХАИЛ
МЕЛЬТЮХОВ

УПУЩЕННЫЙ ШАНС СТАЛИНА

СХВАТКА ЗА ЕВРОПУ: 1939-1941 ГОДЫ

ВОЙНА
НАКАНУНЕ

Война. Накануне

Михаил Мельтюхов

**Упущенный шанс Сталина.
Схватка за Европу: 1939-1941 годы**

«Алисторус»

2021

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)721

Мельтюхов М. И.

Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939-1941 годы /
М. И. Мельтюхов — «Алисторус», 2021 — (Война. Накануне)

ISBN 978-5-00180-096-5

Советское руководство в первой половине 20-х гг. столкнулось с тем, что в годы революции и Гражданской войны Советский Союз утратил завоеванные Российской империей позиции на международной арене и территории в Восточной Европе. По уровню своего влияния в Европе страна оказалась отброшенной на 200 лет в прошлое. Из двух вариантов: согласится с региональным статусом СССР или начать борьбу за возвращение в клуб великих держав — Москва пошла по второму пути. В 20-е гг. Советскому Союзу удалось добиться дипломатического признания, но все попытки усилить свои позиции в Европе и на Дальнем Востоке не дали заметных результатов. В конце 30-х гг. у СССР появился реальный шанс вернуться в большую политику в качестве великой державы. Что помешало Сталину по максимуму воспользоваться этой возможностью? Виновен ли СССР в возникновении Второй мировой войны? Почему Москва пошла на подписание Пакта о ненападении? На эти и другие вопросы в своей книге отвечает известный историк Михаил Мельтюхов. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)721

ISBN 978-5-00180-096-5

© Мельтюхов М. И., 2021

© Алисторус, 2021

Содержание

Введение	7
На пути к войне	18
Политический кризис 1939 г	47
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Михаил Иванович Мельтюхов
Упущенный шанс Сталина. Советский
Союз и борьба за Европу: 1939–1941 гг

© Мельтюхов М. И., 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

Введение

*Главный закон Истории – не сметь лгать, второй – не бояться
сказать правду.
Папа Лев XIII*

Более 75 лет прошло с момента начала Второй мировой войны – крупнейшего военно-политического конфликта XX века, активное участие в котором принимала и наша страна. Как и в любых других событиях человеческой истории, в истории Второй мировой войны скрыто немало тайн. Однако наибольшие дискуссии вызывает период с 1 сентября 1939 г. до 22 июня 1941 г. Это связано как со сложностью процесса формирования двух противостоящих военно-политических группировок, так и с непрекращающимися попытками официальных историографий представить деятельность своих стран в этот период в более благоприятном свете, чем это было на самом деле. Для российского читателя этот период Второй мировой войны является предысторией другой войны – Великой Отечественной, начавшейся с трагических поражений Красной армии и ставшей одной из самых тяжелых за всю историю Российского государства.

В течение десятилетий историки разных стран в своих трудах стремились дать ответы на вопросы о том, как возникла война, почему относительно локальный европейский конфликт перерос в мировую глобальную войну, кто и в какой степени несет ответственность за такое развитие событий. Конечно, ответы на все эти вопросы давались на основе доступных в момент написания различных работ документов, а также с учетом политической конъюнктуры. Однако источниковая база исторических исследований постепенно расширяется, становятся доступными для историков еще недавно секретные документы. Естественно, это вызывает новые попытки осмыслить появившуюся информацию, уточнить наши знания о прошлом. Ныне этот процесс идет и в российской исторической науке. Стремясь максимально полно осветить все подробности событий, приведших к трагедии 1941 г., отечественные исследователи в 1940–1980-е годы на основе доступных источников проделали большую работу. Тем не менее начавшееся с конца 1980-х гг. появление новых документов, расширение доступа к архивным фондам и освобождение историков от жесткого идеологического диктата со стороны властей поставило задачу нового осмысления этой темы.

Отечественная историческая наука не первый раз сталкивается с подобной проблемой. Схожие процессы происходили в ней в XIX – начале XX вв. применительно к исследованию истории другой Отечественной войны – 1812 года. В течение первых 50 лет изучение истории той войны велось исключительно в рамках официальной версии событий, которая подкреплялась личной близостью ведущих историков к трону. Но в 60-е годы XIX века начался процесс переоценки устоявшихся взглядов, который шел далеко не просто и не безболезненно. Как и теперь, тогда тоже хватало поспешных выводов, хлестких заявлений, превалирования эмоций над существом исторических проблем. Так, в частности, своеобразным протестом против пересмотра устоявшейся версии событий стала всемирно известная эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир». Как бы то ни было, к 100-летию войны 1812 г. был издан новый фундаментальный труд, обобщивший итоги исследований и до сих пор сохранивший определенное научное значение. Теперь, спустя еще свыше 100 лет, российская историческая наука может по праву гордиться результатами изучения тех далеких событий, что лишний раз подтверждает всем известную истину – спокойный и беспристрастный анализ всегда предпочтительнее чрезмерно эмоциональных оценок, лишь затемняющих суть дела.

В развитии исследований истории Великой Отечественной войны, видимо, идет схожий процесс. В течение 50 лет в рамках официальной советской версии событий, сформулирован-

ной еще в 1941–1945 гг. и закреплённой в выступлениях лидеров Советского государства и Коммунистической партии, было дано описание важнейших событий войны, изданы многие документы тех лет, возникла обширная литература по различным проблемам. Однако постепенно все яснее становилось, что чем больше мы узнаем о событиях тех лет, тем сложнее сохранять в неизменном виде официальную версию. Поэтому постепенно идеологический контроль за изучением этих тем усиливался и к началу 1980-х годов подавляющее большинство исследований истории Великой Отечественной войны стали походить друг на друга как две капли воды. Естественно, это порождало чувства неудовлетворенности и недовольства у многих историков: ведь что может быть тяжелее для исследователя, чем знание, которое невозможно обнародовать, обсудить с коллегами? Это в определенной степени объясняет тот бум исторических сенсаций, который захлестнул страну во второй половине 1980-х гг.

В начале 1990-х годов процесс переоценки истории Советского Союза зашел достаточно далеко, а тезис о «сталинских ошибках», приведших к трагичному началу войны, уже стал общим местом в литературе. К этому времени были введены в научный оборот многие ранее неизвестные факты и документы, но, к сожалению, далеко не всегда уделялось должное внимание обобщению этих материалов. Этот процесс в основном развивался в исследованиях внешней политики СССР 1939–1941 годов на основе заимствования ряда характерных для западной историографии концепций этого периода. И хотя эти исследования, как правило, не использовали значительный массив источников, не связанных напрямую с внешнеполитической деятельностью СССР, их появление стало первым шагом на пути к пересмотру официальной концепции кануна Великой Отечественной войны. Уже в 1991 г. А.Г. Донгаров высказал предположение, что «за событиями первого плана осени 1939 года – лета 1941 года, как будто бы указывающими на активную подготовку к отражению возможной германской агрессии, стояли какие-то сокровенные цели и расчеты Кремля, в которых вариант нападения Германии на СССР просто не предусматривался»¹. Определенная переоценка военно-исторических проблем кануна войны была предложена в работах Б.Н. Петрова и В.Н. Киселева², опубликованных в 1991–1992 гг., которые, однако, не получили должного отклика.

С 1993 г. военно-политические проблемы кануна Великой Отечественной войны оказались в центре дискуссии, вызванной публикацией в России книг В. Суворова³. Хотя эти работы написаны в жанре исторической публицистики и представляют собой некий «слоеный пирог», когда правда мешается с полуправдой и ложью, они довольно четко очертили круг наименее разработанных в историографии проблем. За прошедшие годы дискуссия вокруг книг В. Суворова распалась на несколько направлений. Одни авторы просто отвергают его версию. Другие отвергают ее, ссылаясь на целый ряд ошибок и неточностей автора, не имеющих, правда, принципиального значения. Третьи, учитывая спорные и слабые положения этих книг, привлекают для анализа авторской версии новые документальные материалы, которые подтверждают необходимость дальнейшей разработки этих тем⁴. Как ни странно, в ходе дискуссии проявилось стремление ряда зарубежных историков, довольно посредственно знакомых с обсуждаемой проблематикой и советскими архивными материалами, выступить в роли менторов российской исторической науки.

¹ Донгаров А.Г. Между Рейном и Волгой // Родина. 1991. № 5. С. 39.

² Петров Б.Н. О стратегическом развертывании Красной Армии накануне войны // Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С. 10–17; Киселев В.Н. Упрямые факты начала войны // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 14–19.

³ Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? М., 1992; Суворов В. День-М: Когда началась Вторая мировая война? М., 1994; Суворов В. Последняя республика: Почему Советский Союз проиграл Вторую мировую войну? М., 1995; Суворов В. Очищение: Зачем Сталин обезглавил свою армию? М., 1998; Суворов В. Самоубийство: Зачем Гитлер напал на Советский Союз? М., 2000.

⁴ См. напр.: Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. Сборник материалов. М., 1995; Другая война 1939–1945 гг. Сборник статей. М., 1996.

Кроме того, использованный В. Суворовым метод бездоказательных утверждений ныне довольно широко используется в публицистике при обсуждении причин трагедии 1941 года. Так, одни авторы полагают, что причиной этого стал «гениально безграмотный сценарий вступления в войну», которым Г.К. Жуков и С.К. Тимошенко подменили официально утвержденный план⁵. По мнению других, знавшие о слабой подготовке РККА Жуков и Тимошенко пытались оказывать сдерживающее влияние на Сталина, который «рвался в бой». Подобные «гипотезы» не только не способствуют изучению реальных событий, но и фактически препятствуют пониманию общественным сознанием как сложностей реальной ситуации 1941 г., так и необходимости тщательного и всестороннего анализа доступных исторических источников на основе выработки адекватной методики изучения этих непростых проблем.

Как бы то ни было, развернувшаяся дискуссия привела к выявлению новых архивных документов по истории СССР 1939–1941 гг., свидетельствующих, что советское руководство, конечно же, имело собственный взгляд на политическую ситуацию того периода и пыталось использовать ее в своих интересах. Появившиеся материалы и исследования показали, что традиционная официальная версия об исключительно оборонительных намерениях СССР становится все менее обоснованной. Естественно, новый виток дискуссии не избежал определенной политизации. Это было связано с тем, что главными тезисами, которые пытался «доказать» В. Суворов, являются утверждения, что в возникновении Второй мировой войны виноват исключительно Советский Союз, а германское нападение на СССР было «превентивной войной». Несостоятельность этих тезисов уже была неоднократно показана в литературе⁶, но сторонники традиционной версии продолжают ссылаться на них, обосновывая этим отказ от рассмотрения варианта советских наступательных приготовлений. Например, О.В. Вишлев полагает, что «стремление доказать наличие у Советского Союза «наступательных» намерений в отношении Германии служит обоснованию старого тезиса о «превентивной войне» гитлеровской Германии против СССР»⁷. Поэтому все, что говорит в пользу варианта «наступательных» намерений Москвы, следует отрицать всегда, везде и несмотря ни на что.

По традиции в развернувшейся полемике продолжается использование ненаучных аргументов. Вместо того чтобы представить аргументированную неизвестными ранее документами и тщательными исследованиями точку зрения на обсуждаемые проблемы, некоторые защитники традиционной версии объявляют идущую дискуссию проявлением «антинаучной тенденции» и призывают «не давать возможности» оппонентам публиковать свои исследования⁸. Это подтверждает мнение Т. Манна, что «мы чаще злимся и возмущаемся, противодействуя какой-то идее, когда сами не слишком уверены в собственной позиции и внутренне готовы принять противоположную сторону». Как правило, сторонники традиционной версии предпочитают вести полемику именно вокруг концепции В. Суворова, что довольно странно, так как в полном виде ее не поддерживает, пожалуй, никто из серьезных исследователей. В результате создается впечатление, что эти проблемы можно рассматривать только с позиций автора «Ледокола» или с точки зрения традиционной версии. Однако это не так, и ставшие доступными документальные материалы и исследования последних лет позволяют предложить и другие концептуальные

⁵ Мартыросян А.Б. 22 июня. Правда генералиссимуса. М., 2005; Мартыросян А.Б. 22 июня: Детальная анатомия предательства. М., 2014.

⁶ Мельтюхов М.И. Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии // Отечественная история. 1994. № 3. С. 18–20; Мельтюхов М.И. Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол» // Советская историография. М., 1996. С. 490, 494–495, 506–507; Пиетров-Энгер Б. Германия в июне 1941 г. – жертва советской агрессии? // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. Пер. с нем. М., 1996. С. 452–475; Мельтюхов М.И. Главная ложь Виктора Суворова // Неправда Виктора Суворова-2. М., 2008. С. 5–85.

⁷ Вишлев О.В. Речь И.В. Сталина 5 мая 1941 г. Российские документы // Новая и новейшая история. 1998. № 4. С. 77.

⁸ Полканов В.Д. «Ледокол» исследовательской неряшливости и отсебятины. Омск, 1996. С. 32–41; Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Отечественная историография второй мировой войны. Некоторые итоги и проблемы // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 147.

подходы к обсуждаемой проблеме. Тем не менее защитники официальной версии не останавливаются перед прямой фальсификацией, лишь бы избежать обсуждения проблем 1941 года на основе доступных ныне советских документов и новейшей отечественной историографии. Так, например, поступило руководство Ассоциации историков Второй мировой войны, когда посвященный этим проблемам доклад, обсуждавшийся на заседании 30 декабря 1997 г., был при публикации изложен таким образом, чтобы из него было удалено все, что не соответствует взглядам В. Суворова. Это, видимо, должно было придать большую убедительность опровержениям оппонентов⁹.

Более того, в ход пошли и фальсифицированные документы. Так, В.А. Анфилов для обоснования своей традиционной точки зрения ссылается на опубликованные в 15 томе сочинений И.В. Сталина (М., 1997) документы: «Выступление на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) (конец мая 1941 года)» и «Беседа с А.М. Лавровым 18 июня 1941 года»¹⁰. Первый из них должен подтвердить отсутствие у советского руководства каких бы то ни было наступательных намерений, а второй – показать, что всеведущая советская разведка докладывала в Кремль о намерениях Германии, Японии, США и других стран только самую достоверную информацию. К сожалению, оба эти документа – фальшивки, автором которых, по всей видимости, является В.М. Жухрай, в чьей художественно-публицистической книге они впервые и появились¹¹. Анализ содержания текста первого из них показывает, что он является довольно грубой компиляцией из мемуаров Г.К. Жукова и других материалов. Относительно второго документа утверждается, что генерал-полковник А.М. Лавров был начальником разведки и контрразведки и подчинялся лично Сталину. Однако ни один исследователь истории советской разведки не знает о такой странной спецслужбе, да и о ее начальнике тоже. Кстати, генерал-полковник с такой фамилией в 1941 г. также неизвестен. Правда, В.М. Жухрай предостережительно пишет, что А.М. Лавров – это псевдоним, то есть перед нами еще один вариант «тайного советника вождя». Содержание его доклада, состоявшегося, по мнению В.М. Жухрая, 12 июня, показывает, что он является компиляцией из материалов современных исследований Второй мировой войны. К сожалению, некоторые авторы некритично восприняли эти «документы» на веру и, вероятно, на них еще не раз будут ссылаться для подтверждения официальной версии.

Описывая реакцию советского руководства на итоги переговоров в Берлине в ноябре 1940 г., В.Я. Сиполс использует сомнительный документ – так называемую «записку управляющего делами СНК СССР Я.Е. Чадаева»¹², которая, как выяснилось, является всего лишь мемуарным свидетельством, содержащим немало неточностей и прямых несоответствий реальным событиям¹³. Опубликованная в 1994 г. «речь Сталина» перед членами Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа 1939 г., содержащая задачу использовать войну в Европе для усиления там советского влияния¹⁴, которая вызвала немало откликов в литературе, как убедительно показал С.З. Случ является фальсификацией французских спецслужб¹⁵. Правда, была предпринята неудачная попытка доказать факт выступления Сталина для того, чтобы обосновать лживую версию о том, что СССР и Германия «несут равную ответственность за развязывание Второй миро-

⁹ Новая и новейшая история. 1998. № 6. С. 201–207.

¹⁰ Анфилов В.А. Сталин в войне // Независимое военное обозрение. 1998. № 4. С. 5.

¹¹ Жухрай В.М. Сталин: правда и ложь. М., 1996. С. 43–65, 76–104.

¹² Сиполс В.Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941. М., 1997. С. 274–275.

¹³ Куманев А.Г. Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М., 1999. С. 399–406; Безыменский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000. С. 360–362; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. М., 2000. С. 281–283; Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 506–508; Из воспоминаний управляющего делами Совнаркома СССР Я.Е. Чадаева // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 125–144.

¹⁴ Бушueva Т.С. «...Проклина – попробуйте понять» // Новый мир. 1994. № 12. С. 230–237.

¹⁵ Случ С.З. Речь Сталина, которой не было // Отечественная история. 2004. № 1. С. 113–139.

вой войны»¹⁶. Еще одной проблемой историографии советско-германских отношений являются различные предположения относительно переписки или встречи между А. Гитлером и И.В. Сталиным, периодически всплывающие преимущественно в публицистических работах¹⁷. Однако пока никаких документальных подтверждений этого ни в германских, ни в советских архивах так и не найдено.

Нельзя не отметить, что в отечественной исторической литературе отсутствуют исследования, посвященные комплексному анализу событий 1939–1941 гг. Как правило, этот период рассматривается в разных трудах в качестве простой прелюдии к событиям Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Возникновению этой ситуации способствовало то, что события предыстории войны, как и большинство прочих событий советской истории, должны были рассматриваться в литературе исключительно в рамках официальной версии, под которую подгонялись все новые факты, накопленные за прошедшие десятилетия и отражающие разные стороны этих событий. Первоначально преобладала версия, согласно которой мирная Советская страна подверглась внезапному нападению коварного агрессора. Позднее она была дополнена указанием на то, что нападение Германии привело к столь тяжелым последствиям в силу ошибок Сталина в оценке обстановки. Соответственно, в общественном сознании преобладает мнение, что до 22 июня 1941 г. Советский Союз являлся нейтральной страной, не участвовавшей в идущей войне в Европе. Однако ставшие ныне доступными для исследователей еще вчера секретные документы показывают, что все обстояло намного сложнее. К сожалению, расширение источниковой базы не привело к появлению работ, которые бы обобщали все известные на сегодня факты и документы.

Поэтому, на наш взгляд, ведущаяся ныне дискуссия оказалась в ситуации, когда процесс введения в научный оборот новых документов необходимо дополнить их комплексным осмыслением, что требует формулирования новых концепций участия Советского Союза в событиях 1939–1941 гг. Это позволит, прежде всего, подвести некоторые итоги дискуссии и сделать еще один шаг в сторону более объективной картины истории нашей страны в период Второй мировой войны. Для выполнения этой задачи следует на широком историческом фоне проанализировать внешнеполитическую деятельность советского руководства в межвоенное двадцатилетие и в 1939–1941 гг., его взгляды на события европейской войны, военные приготовления СССР и содержание советской пропаганды. Только подобное комплексное исследование позволит показать, насколько обоснован пересмотр традиционной версии отечественной историографии, и дать толчок дальнейшему изучению этих проблем. Для выполнения этой задачи следует отказаться от двойного стандарта в оценках действий участников событий кануна и начала Второй мировой войны, который исходит из пропагандистских подходов, характерных для советской исторической литературы.

В основе советской пропаганды, а вслед за ней и историографии лежала идея о том, что внешняя политика государства зависит от его внутреннего строя. Соответственно, делался вывод, что политика капиталистического государства исключительно империалистическая, а социалистического государства – сугубо миролюбивая и оборонительная. В 1920–1940-е гг., когда лишь СССР считался социалистическим государством, эта идея в целом выглядела вроде бы убедительной, но в 1950–1980-е гг., когда возникла социалистическая система, выяснилось, что далеко не все эти государства обязательно находятся в хороших отношениях между собой, случались даже войны между ними. В данном случае советская пропаганда нашла выход, объявив ряд социалистических стран, которые проводили независимую от Москвы политику, несоциалистическими (Югославия, Китай). С другой стороны, выяснилось, что огромное боль-

¹⁶ Дорошенко В.Л., Павлова И.В., Раак Р.Ч. Не миф: речь Сталина 19 августа 1939 года // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 3—20; Дорошенко В.Л., Павлова И.В., Раак Р.Ч. Не миф: речь Сталина 19 августа 1939 года // Правда Виктора Суворова. Переписывая историю Второй мировой. М., 2006. С. 205–238.

¹⁷ Ганелин Р.Ш. СССР и Германия перед войной: отношения вождей и каналы политических связей. СПб., 2010.

шинство так называемых капиталистических стран присутствует на мировой арене в качестве статистов и их просто невозможно объявить «империалистическими хищниками». Все это начисто опровергает вышеприведенный постулат о прямой взаимосвязи общественно-политического строя и внешней политики государств. Схожий тезис использует и В. Суворов, полагающий, что именно коммунистическая идеология, которой он приписывает все возможные грехи, была побудительным мотивом советской внешней политики. Чтобы убедиться в несостоятельности этого утверждения, достаточно вспомнить хотя бы такие известные фигуры мировой истории как Тутмос III, Ашшурбанипал, Рамзес II, Навуходоносор II, Кир II, Александр Македонский, Юлий Цезарь, Траян, Агтила, Карл Великий, Чингиз-хан, Наполеон и т. д. Никто из них не только не являлся членом коммунистической партии, но даже не был знаком ни с одним коммунистом, что, впрочем, нисколько не мешало им создавать великие империи.

В принципе давно известно, что внешняя политика государства зависит, прежде всего, от того, какое место это государство занимает в мировой иерархии. У «великой державы» эта политика одна, у региональной – другая, а у малой страны – третья. Кроме того, следует учитывать и те цели, которые пытается достичь та или иная страна. Например, государство может стремиться сохранить свое положение в мире, а может пытаться повысить свой статус на мировой арене. В первом случае, как правило, преобладают оборонительные методы, а во втором – наступательные. Хотя и в данном вопросе существует определенное различие. Поскольку страны с равным статусом также соперничают друг с другом, то «великая держава» не может просто занять оборонительную позицию, ибо это станет сигналом для других «великих держав» – противник слаб и можно усилить давление на него. Поэтому, чтобы быть в безопасности, «великая держава» всегда должна демонстрировать свою силу и друзьям, и соперникам. Среди самих «великих держав» также существует определенная иерархия. Так, в 1920–1930-е годы Англия и Франция являлись сверхдержавами (хотя такого термина тогда не использовали – они просто считались ведущими странами мира). Именно такой статус этих стран был закреплён в рамках Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. В 1940–1950-е годы сверхдержавами стали США и СССР, что и отражала Потсдамская система международных отношений.

Хотя межгосударственное соперничество является системообразующим фактором международных отношений, не следует воспринимать «великие державы» лишь в качестве «империалистических хищников», поскольку они выполняют также ряд важных функций – устанавливают и поддерживают мировой порядок, концентрируют ресурсы для кардинального улучшения окружающей среды и технологических прорывов. Как правило, сфера влияния «великой державы» является районом относительно спокойного и стабильного развития. То есть, «великие державы» выполняют функцию лидера, стимулирующего развитие как контролируемого ею региона, так и мира в целом.

Поскольку международная политика, как и всякая политика, есть борьба за власть, любое государство формирует свои интересы на мировой арене в соответствии со своими геополитическими параметрами, ресурсными возможностями, уровнем экономического развития, весом и местом в мировом сообществе и национально-культурными традициями. В наиболее общем виде национально-государственные интересы любой страны представляют собой триединый комплекс фундаментальных целей:

1. Самосохранение государства;
2. Создание наиболее безопасной внешней среды и
3. Накопление мощи (экономической, политической, военной и т. п.).

Государство обеспечивает свои интересы всеми имеющимися в его распоряжении средствами: политическими, идеологическими, экономическими, дипломатическими и военными. Внешнее оформление национально-государственных интересов во многом определяется ценностными нормами и идеологией, господствующими в каждую конкретную эпоху. В форму-

лировании национально-государственных интересов и формировании внешнеполитической стратегии, призванной их реализовать, важное значение имеет система ценностных ориентиров, установок, принципов и убеждений государственных деятелей – восприятие ими окружающего мира и оценка места своей страны в ряду остальных государств, составляющих мировое сообщество.

Во все времена международная политика представляла собой ожесточенную борьбу за контроль над имевшимися ресурсами, которые разными способами отбирались у слабого соседа. Не стал исключением и XX век, в самом начале которого разразилась очередная схватка «великих держав» за новый передел мира и его ресурсов. К сожалению, среди победителей в Первой мировой войне не оказалось Российской империи, которая в силу ряда внутренних и внешних причин переживала острый кризис (Революция и Гражданская война), что привело к ее ослаблению и снижению ее статуса на мировой арене до роли региональной державы. Хотя большевики активно способствовали развалу Российской империи, они смогли создать на ее обломках новое крупное государство – Советский Союз – перед которым стоял выбор: согласиться со статусом региональной державы или вновь вступить в борьбу за возвращение статуса «великой державы». Советское руководство в Москве выбрало вторую альтернативу и активно вступило на путь ее реализации. То, что все делалось под лозунгами миролюбия и усиления обороноспособности, вполне понятно – любое умное руководство старается не афишировать свои истинные намерения.

Поэтому в своем исследовании автор стремился рассматривать советскую внешнюю политику без каких-либо пропагандистских шор, а с точки зрения реальных интересов, целей и возможностей Советского Союза. При этом речь не идет об оправдании или обвинении советского руководства, как это зачастую практикуется в отечественной исторической литературе, продолжающей морализаторские традиции советской пропаганды. Автор полагает, что каждый читатель в состоянии дать собственную оценку описываемых событий кануна и начала Второй мировой войны, исходя из личных пристрастий и этических ценностей. Этот момент следует подчеркнуть, так как в подавляющем большинстве случаев в описываемых событиях действуют две и более сторон, каждая из которых стремится достичь своих целей, отстаивать свои интересы. В историографии же преобладает оценочный подход, когда историк, исходя из своих собственных симпатий-антипатий, делит всех участников исторических событий на «хороших» и «плохих» («прогрессивных» и «реакционных» и т. п.), что в итоге ведет к определенному искажению исторической перспективы. Эта ситуация связана не столько со «злонамеренностью» тех или иных исследователей, сколько с идущей из глубины веков традиционно тесной взаимосвязи историографии и пропаганды, что, в свою очередь, базируется на собственном любому человеку эмоциональном восприятии окружающего мира.

Однако эта особенность человеческой психики является питательной почвой для возникновения и закрепления предвзятого мнения, являющегося наиболее серьезной помехой на пути развития исторической науки, которая, как и любая другая наука, основана на принципе аргументированного доказательства выводов. Поэтому речь должна идти не о разделении участников исторического процесса на «хороших» и «плохих», а о восприятии истории во всей ее полноте как великой драмы, в ходе которой действующие силы отстаивают свою собственную правду и в силу этого в определенном смысле обречены на столкновение. Конечно, такой подход непривычен для обыденного сознания, но только так историк может приблизиться к объективному воссозданию исторической реальности. Поэтому, прежде чем давать те или иные оценки событиям 1939–1941 гг., автор попытался обобщить известные на сегодня материалы с целью предложить свой ответ на традиционный двуединый вопрос любого исторического исследования: как происходили события и почему они происходили именно так? Конечно, это вовсе не означает, что автору удалось найти окончательные ответы на все вопросы и его исследование является «истиной в последней инстанции». В силу многогранности исто-

рического процесса появление работ такого статуса, видимо, вообще невозможно. Свою задачу автор видел в том, чтобы на основе обобщения суммы известных ему фактов беспристрастно проанализировать события кануна и начала Второй мировой войны на уровне взаимодействия СССР и других великих держав и на этой основе уточнить привычные взгляды на проблемы этого периода.

Великий знаток человеческой души Оноре де Бальзак утверждал, что «существуют две истории: история официальная, которую преподают в школе, и история секретная, в которой скрыты истинные причины событий». Это своего рода аксиома может быть применена практически к любому периоду человеческой истории. Не является исключением и Вторая мировая война, которая за прошедшие десятилетия, казалось бы, изучена вдоль и поперек. Однако, как только речь заходит о расчетах и намерениях власть предержащих, на всякую официальную историографию нападет какое-то странное затмение и обычно воспроизводится набор общих традиционно пропагандистских фраз. Не стала исключением и советская историография, в рамках которой возможность появления неофициальных взглядов на историю нашей страны в XX веке была полностью исключена. В результате в советской исторической литературе сложилась традиция трогательного доверия к любым официальным документам и заявлениям властей. В литературе были несчетное число раз повторены пропагандистские штампы, ставшие в общественном сознании непререкаемой истиной, и под это предвзятое мнение, как правило, подгонялось всякое новое знание.

Даже сейчас, когда, казалось бы, есть возможность более спокойно и непредвзято взглянуть на историю событий кануна и начала Второй мировой войны, инерция привычных штампов продолжает действовать. Так, публикуя наконец-то рассекреченные документы, которые **опровергают** устоявшуюся официальную версию событий, авторы этих публикаций рассматривают эти документы как **подтверждающие** ее! Таков гипноз предвзятого мнения. Однако непредвзятое рассмотрение рассекреченных и частью опубликованных документов по советской истории 1939–1941 гг. показывает, что официальная версия этих событий нуждается в коренной модернизации на основе приведения ее тезисов в соответствие с имеющимися ныне в распоряжении историков документами. Эта сама по себе непростая задача еще больше затрудняется из-за того, что представители официальной историографии продолжают доказывать, что лишь их традиционная концепция является истиной в последней инстанции, а вполне обычному в любой науке процессу уточнения знаний на основе новых фактов придается некое неестественное значение посягательства на устои.

Так, М.А. Гареев, несмотря на то, что он сам впервые опубликовал сведения о том, что еще в марте 1941 г. советское военно-политическое руководство определило ориентировочный срок наступательной операции Красной армии – 12 июня, утверждает, что «в 1941 г. Советский Союз ни о какой превентивной войне против Германии не помышлял и не мог помышлять»¹⁸. И это при том, что все очевидцы событий в один голос утверждают, что в Москве считали войну с Германией неизбежной, об этом же свидетельствуют все доступные документы того периода. Поэтому в Москве не только могли, но и обязаны были «помышлять» о том, как создать наиболее благоприятные условия вступления в войну с Германией. В противном случае следует сделать вывод, что все советское руководство состояло из полных идиотов, которые не могли понять очевидные вещи и действовать в соответствии со своими интересами. Понятно, что подобное предположение совершенно не соответствует тому, что мы знаем о хозяевах Кремля и об их действиях в 1930–1940-е годы.

По свидетельству В.М. Молотова, который был в то время вторым человеком в советском руководстве после И.В. Сталина, подготовка к неизбежной войне с Германией, конечно

¹⁸ Гареев М.А. Готовил ли Советский Союз упреждающее нападение на Германию в 1941 году? // Война и политика, 1939–1941. М., 1999. С. 277.

же, велась. «Иначе зачем нам еще в мае месяце надо было из глубины страны перебрасывать в западные приграничные военные округа в общей сложности семь армий? Это же силища великая! Зачем проводить тайную мобилизацию восьмисот тысяч призывников и придвигать их к границам в составе резервных дивизий военных округов?» При этом сам Молотов признает, что срока германского нападения «точно не знали», но войска уже сосредотачивали. Естественно, возникает вопрос, что будет после того, как Красная армия развернется на западных границах СССР, при том, что не ясно, нападет ли Германия в 1941 г. вообще? «Время упустили, – делает вывод Молотов. – **Опередил нас Гитлер!**» (выделено мной. – М.М.)¹⁹. В чем, спрашивается, опередил?

Определенный ответ на этот вопрос содержится в ныне доступных архивных документах идеологической и пропагандистской подготовки СССР к войне, которые свидетельствуют вовсе не об оборонительных намерениях советского руководства. Сторонники традиционной версии так и не смогли опровергнуть эти материалы, но был найден новый аргумент, чтобы не признавать очевидного. Так, Д.А. Волкогонов и А.С. Орлов утверждают, что «никому не известно о каком-либо документе, плане, которые бы подтверждали замысел Сталина совершить нападение на Германию в определенный момент»²⁰. Им вторит В.Э. Молодяков, который признает, что «утвержденных идеологических документов много», но полагает, что «по-прежнему не найдено ни одного официально утвержденного плана (или хотя бы относящегося к нему документа), предусматривающего начало боевых действий советской стороной против Германии или ее союзников»²¹.

Действительно, многие документы до сих пор неизвестны, но не потому, что их искали и не нашли, а потому, что многие важные фонды архивов закрыты для неангажированных исследователей. Однако и известные документы советского военного планирования, которые действительно являются основным доказательством наступательных намерений СССР, позволяют усомниться в справедливости вышеприведенных высказываний. Ю.А. Горьков совершенно прав, призывая комплексно исследовать эти документы, чего, насколько нам известно, до сих пор не сделано. А поэтому его утверждение о том, что «все документы оперативного плана – от Генштаба до армий включительно – позволяют сделать вывод о том, что Советский Союз не готовился к нападению на Германию первым»²², представляется преждевременным. Далее будут приведены конкретные документы, позволяющие отвергнуть эти предвзятые мнения.

Кроме того, следует помнить, что отечественная историческая наука лишь недавно приступила к изучению советской истории с использованием не только официальных документов, но и тех, что были скрыты в архивах с различной степенью ограничения их использования. Поэтому в данный момент историки не имеют возможности в полной мере реконструировать процесс принятия ключевых решений советским руководством в 1939–1941 гг., так как значительная часть соответствующих исторических источников все еще не доступна для исследования. Поэтому исследователи вынуждены скрупулезно реконструировать прошлое на основе довольно ограниченной документальной базы, которая все же значительно расширилась в последние годы, что в совокупности с другими материалами дает возможность перенести дискуссию на твердую почву фактов. Использование же широкого панорамного подхода с опорой

¹⁹ Стаднюк И. Нечто о сталинизме // О них ходили легенды. М., 1994. С. 423, 430–431.

²⁰ Волкогонов Д.А. Эту версию уже опровергла история // Известия. 1993. 16 января; Орлов А.С. Так кто же начал войну? // Армия. 1993. № 8. С. 18; Орлов А.С. Роковой 41-й: готовил ли Советский Союз нападение на Германию? // Россия XXI. 2001. № 3. С. 80–82.

²¹ Молодяков В.Э. Начало второй мировой войны: некоторые геополитические аспекты // Отечественная история. 1997. № 5. С. 132–133.

²² Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин превентивный удар против Гитлера в 1941 году // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 34.

на достижения отечественной и зарубежной историографии кануна и начала Второй мировой войны позволяет вписать новые сведения о военно-политических действиях СССР в 1939–1941 гг. в общую канву событий, расширяя наши знания об этом периоде мировой истории XX века.

В последние годы в российской литературе идет переоценка многих событий межвоенной истории XX века. Однако, к сожалению, нередко здесь основным мотивом служит не желание углубить наши знания о том периоде, а лишь стремление к огульному очернению советской внешней политики. Для этого, как правило, используются абстрактные моральные оценки, без учета конкретных исторических реалий и менталитета эпохи. Поэтому, на наш взгляд, следует попытаться непредвзято взглянуть на действия советского руководства в 1939–1941 гг. Автор полагает, что каждое государство имеет право проводить любую внешнюю политику, но это вовсе не означает, что в оценке этой политики следует исходить только из политической конъюнктуры. Более того, именно далекая перспектива позволяет более объективно оценить прошедшие события. Кроме того, не следует разрывать цепь событий, что также искажает их восприятие. Именно поэтому, по нашему мнению, важно рассмотреть разные стороны событий кануна Великой Отечественной войны в комплексе.

Таким образом, перед современной российской историографией стоит задача всестороннего изучения того пути, по которому удалось пройти Советскому Союзу от парии международного сообщества до второй сверхдержавы мира. Это позволит, с одной стороны, воздать должное нашим предкам, чьим потом и кровью был полит этот путь, а с другой стороны, даст современному российскому обществу определенные ориентиры на будущее. Конечно, решение этой задачи потребует длительных усилий и изучения как развития международных отношений на разных уровнях, так и внутренних изменений советского общества.

Данная работа подготовлена на стыке общегражданской, военной истории и историографии проблем 1939–1941 гг., что, по мнению автора, в полной мере отвечает понятию проблемного исследования. Вместе с тем попытка рассмотреть разные стороны истории этого периода предопределила некоторую мозаичность исследования, которое тем не менее, как надеется автор, не помешает целостному восприятию рассматриваемых в нем проблем. Поэтому для книги была выбрана форма очерков, каждый из которых представляет собой относительно самостоятельное и законченное произведение, посвященное той или иной стороне событий кануна и начала Второй мировой войны. Для подготовки данного исследования были использованы материалы рассекреченных ныне фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного военного архива (РГВА), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), многочисленные документальные публикации, воспоминания участников событий и посвященные периоду 1920–1940-х гг. исследования, позволившие получить широкую картину событий.

Вместе с тем хотелось бы заранее предупредить читателя, что поскольку большинство затрагиваемых в нашем исследовании проблем все еще вызывают ожесточенные споры между историками, по многим из них в общественном сознании сформированы устоявшиеся представления, в том числе и мифического характера, автор должен был подробно разбирать их с привлечением большого числа архивных документов, цифр, фактов и с учетом мнений других исследователей. Поэтому книгу вряд ли можно назвать «легким чтивом», но благодаря этому читатель получает возможность ознакомиться с современным состоянием изученности этих проблем, новыми или малоизвестными материалами. Понятно, что по теме исследования можно написать не одну книгу с подробным изложением различных сторон описываемых событий. Учитывая необходимость придерживаться более или менее приемлемого объема, автор отказался от описания тех сюжетов, которые хорошо известны не только специалистам, но и

широким кругам общественности и успели уже стать общими местами любой мало-мальски популярной книги по кануну войны. В этом случае обычно следует отсылка к соответствующим работам. В отличие от некоторых публицистов автор полагает, что изучение событий 1939–1941 гг. потребует еще усилий не одного поколения историков, и всегда открыт для любой конструктивной дискуссии.

Москва

Май 1996 г. – май 1999 г., февраль 2002 г., август 2007 г.

В данном издании исправлены все обнаруженные в предыдущем издании опечатки, ошибки и неточности, учтены новые материалы и появившаяся за прошедшее время литература.

Москва

Март 2016 г.

На пути к войне

Вторая мировая война 1939–1945 гг. стала одним из важнейших событий в истории XX века, воздействие которого ощущается до сих пор. За прошедшие полвека, благодаря напряженному труду исследователей разных стран, возникла поистине необозримая мировая историография, содержащая анализ разных аспектов и событий войны. К сожалению, на процесс изучения общих проблем генезиса, хода и исхода войны определенный отпечаток наложила политическая конъюнктура времен «холодной войны», что затрудняет комплексный анализ событий 1930-х – первой половины 1940-х годов, без которого невозможно их объективное изучение. Так, в советской историографии господствовал тезис, что война была порождением капитализма, а в западной литературе сформировалась концепция, что война явилась столкновением «тоталитаризма» и «демократии», хотя ей противоречило утверждение, что СССР также был тоталитарным государством. Несмотря на то, что в литературе продолжается дискуссия относительно точных определений понятий «тоталитаризм» и «демократия», ныне эту концепцию позаимствовали некоторые отечественные авторы.

Как правило, при анализе проблем генезиса Второй мировой войны предпочитают не вспоминать, что война – это один из методов взаимоотношений государств на международной арене вне зависимости от существующих социально-экономических отношений и политических режимов. Следовательно, сами по себе социально-экономические и политические различия совершенно не обязательно приводят к войнам. Значительно более важную роль в данном случае играют конкретные политические и экономические противоречия государств. Политика великих держав в 20–30-е гг. XX в., как и в любую другую эпоху, характеризовалась постоянным соперничеством и борьбой за расширение своего влияния на международной арене. Подобная политика проводится, как правило, вне зависимости от существующего политического режима, а уж влияние господствующих социально-экономических отношений вообще ощущается столь опосредованно, что не позволяет делать настолько прямолинейных выводов. В зависимости от объекта политики и общей ситуации любая великая держава применяет широкий диапазон методов от пропагандистско-идеологического влияния до прямого военного вмешательства.

Анализ ситуации межвоенного периода невозможен без рассмотрения некоторых общих проблем развития мировой экономики. Глобальное мировое хозяйство сложилось к началу XX в. в результате дополнения мирового рынка международным переплетением ссудного и предпринимательского капитала, создания колониальных империй. В начале XX в. мировое хозяйство состояло из индустриальных стран Запада и их аграрно-сырьевых придатков (колоний). Условием формирования мирового хозяйства был мировой рынок, образование которого особенно интенсивно проходило с середины XIX в., когда развитие массового машинного производства привело к перерастанию мирового рынка в мировую экономику. Наряду с обменом товарами большое развитие получили международные производственные связи, стимулируемые международной миграцией капитала. Сложившееся мировое хозяйство с установившимся международным разделением труда было подорвано в годы Первой мировой войны, что привело к переформированию мировой экономики. Основная роль в ней перешла от Англии к США, восстановление большей части Центральной и Восточной Европы потребовало колоссальных вложений, большая часть которых досталась Германии, поскольку только она имела достаточно развитую промышленную и финансовую инфраструктуру и могла окупить вложенные средства. Малые государства Восточной и Юго-Восточной Европы могли предложить на мировой рынок лишь аграрную продукцию и сырье.

Развитие мировой экономики в 1918–1939 гг. отражало боре́ние двух основных тенденций. Одна из них – это идущая с XIX в. традиция либерального экономического режима, вто-

рая – сложившаяся в годы Первой мировой войны государственно регулируемая экономика. С окончанием войны эта казавшаяся случайностью экономическая политика была отброшена. Среди великих держав превалировало стремление возродить экономический режим довоенного периода, и в 1920-е гг. казалось, что это в основном удалось. Лишь кризис 1929–1933 гг. окончательно развеял эти надежды. С целью преодоления кризиса все великие державы в большей или меньшей степени использовали государственное вмешательство в экономику. Тем самым окончательно сложилась тенденция, направленная на создание планомерно развивающейся современной системы регулируемой рыночной экономики, основанной на передовой технологии и рационализации производства, на усилении регулирующей роли государства.

Развитие мировой экономики в межвоенные годы четко распадается на два больших этапа: 1920-е и 1930-е годы, которые разделяются мировым кризисом 1929–1933 гг. В свою очередь каждый из этих этапов делится на два периода. Для 1920-х гг. это 1918–1923 гг. – включающие послевоенный бум и экономический спад – своего рода период адаптации экономики к мирному периоду и 1924–1929 гг. – период завершения послевоенного восстановления и роста национальных и мировой экономик. Англо-американское экономическое соперничество, в ходе которого США все сильнее наступали на экономические позиции Англии, пронизывает все 1920-е годы. Вслед за интенсивной американской финансовой экспансией и другие великие державы во второй половине 1920-х гг. расширили экспорт капитала, что привело к увеличению частных долгосрочных инвестиций с 41,6 млрд долларов в 1913–1914 гг. до 47,5 млрд долларов в 1929–1930 гг. Соответственно и объем мировой торговли, сократившейся с 64,8 млрд долларов в 1913 г. до 51,8 млрд долларов в 1920 г., возрос до 83,9 млрд долларов в 1929 г.²³

Переместив экономический центр мира с европейского на американский берег Атлантического океана, Первая мировая война кардинально изменила систему мирового хозяйства. Наибольший выигрыш от войны получили **США**²⁴, увеличившие свое национальное богатство на 40 %, что сделало их потенциально господствующей силой в мире. Преодолев послевоенный экономический спад 1920–1923 гг., американская экономика стала уверенно набирать темп. До 1929 г. объем промышленного производства возрос на 26 %, составив 43,3 % мировой промышленной продукции. Используя свою экономическую мощь, США стремились распространить на весь мир доктрину Монро, создав под своей эгидой на основе соглашения с другими промышленными странами экономическую империю «открытых дверей и равных возможностей», которая рассматривалась в качестве панацеи от революции, что должно было сделать ее более привлекательной для будущих партнеров. Тем самым американское руководство пыталось экономическими средствами перевести потенциально господствующее положение США на мировой арене в реальное влияние.

Для ограничения экономических возможностей конкурентов США использовали вопрос о военных долгах европейских союзников, получивших кредитов на 10,6 млрд. долларов, большая часть которых приходилась на Англию, Францию и Италию. Естественно, что все призывы Парижа и Лондона об аннулировании этих долгов вызывали резкий отпор Вашингтона. В 1923 г. Англия, а в 1926 г. и Франция были вынуждены подписать с США соглашения об уплате долгов, которые были наиболее жесткими по содержащимся в них условиям. В то же время Италия, чей долг составлял 2 015 млн долларов, должна была выплатить всего около 20 %

²³ *Дитрих Э.В.* Мировая торговля. М., 1947; Межимпериалистические противоречия на первом этапе общего кризиса капитализма. М., 1959. С. 8–15; Экономическая история капиталистических стран. М., 1985; *Могилевкин И.М.* Невидимые войны XX века. М., 1989. С. 6–150; *Смирнова Н.Д.* Стратегия и практика европейской буржуазии после первой мировой войны // Европа в системе международных отношений (1917–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 12–22; Мировая экономика. М., 1995.

²⁴ *Аллен Дж. С.* Международные монополии и мир. М., 1948. С. 99–107, 122–127; *Лан В.И.* США: от первой до второй мировой войны. М., 1976. С. 118–297; История США. В 4 т. Т. 3. М., 1985. С. 9–26, 20–123; Экономическая история капиталистических стран. С. 148–159; История мировой экономики. Хозяйственные реформы 1920–1990 гг. М., 1995. С. 5–9.

общей суммы из расчета 0,4 % годовых. Тем самым проблема военных долгов стала экономическим рычагом подавления конкурентов. Добиваясь экономического внедрения в Европу, США в условиях послевоенного экономического хаоса предприняли целенаправленную финансовую интервенцию и успешно использовали проблему германских репараций. Принятие плана Дау-эса (1924 г.) и широкие инвестиции в германскую экономику позволили США занять прочное место в центре Европы, а заодно создать экономический и политический противовес влиянию Франции и Англии.

Американская экономика, переживавшая во второй половине 1920-х гг. экономический бум, была кровно заинтересована в расширении экспорта и мировой торговли в целом. К концу 1920-х гг. США удалось значительно потеснить Англию на мировых рынках. Так, доля американского экспорта в Японии возросла с 16,8 % в 1914 г. до 30 % в 1927 г., а доля Англии сократилась соответственно с 16,8 % до 7 %. В Китае доля американского экспорта возросла с 6 % в 1913 г. до 16,4 % в 1926 г., а английского снизилась с 16,3 % до 10,2 %. В Латинской Америке американский экспорт возрос с 24 % в 1913 г. до 38 % в 1927 г., а английский сократился соответственно с 25 % до 16 %. Кроме того, США значительно расширили экономическое проникновение в Британскую империю и к 1929 г. американский экспорт в Канаду вырос до 68,6 % по сравнению с 15 % английского. В течение всех 1920-х гг. США уверенно наступали на английские позиции в мировой экономике.

После Первой мировой войны **Англия**²⁵ утратила роль мирового экономического и финансового центра, из кредитора превратилась в должника США. Внутри Британской империи ощутимо возросла экономическая роль доминионов. Окончание войны стимулировало экономический бум за счет перехода на выпуск гражданской продукции. Однако уже к концу 1920 г. в английской экономике наметился спад, а в 1921–1923 гг. она существовала в условиях кризиса. Стабилизируя финансовую систему и стремясь возродить веру в устойчивость фунта стерлингов, Англия была вынуждена согласиться на жесткие условия выплаты военного долга США. К 1925 г. Англии удалось восстановить «золотой стандарт», что позволило сбалансировать бюджет, но привело к сокращению социальных программ и снизило конкурентоспособность английского экспорта. К 1928 г. мировая торговля превысила уровень 1913 г. на 24 %, в то время как внешняя торговля Англии была все еще на 20 % ниже довоенного уровня. Соответственно и доля Англии в мировом экспорте сократилась с 12,9 % в 1924 г. до 10,9 % в 1929 г., поскольку ее товары вытеснялись более дешевыми американскими. 1920-е гг. были для английской экономики периодом затяжной стагнации, что объяснялось ее устаревшей структурой. Лишь в 1929 г. был достигнут довоенный уровень промышленного производства.

Франции²⁶ удалось завершить восстановительный период к середине 1920-х гг., используя германские репарации. Восстановление северо-восточных департаментов страны стимулировало экономический бум, а на его основе происходила индустриализация промышленности, ее техническое обновление. Достигнув в 1924 г. довоенного уровня, французская экономика к 1930 г. превысила его на 40 %. Однако доля Франции в мировом промышленном производстве снизилась с 7,2 % в 1913 г. до 7 % в 1928 г. Постоянное обесценивание франка до 1926 г. способствовало расширению внешней торговли, объем которой возрос с 14,9 млрд франков в 1912 г. до 18 млрд франков в 1929 г. В 1926–1929 гг. Франция имела бездефицитный бюджет, стабильную валюту, ввела в 1928 г. «золотой стандарт». Вместе с тем

²⁵ Аллен Дж. С. Международные монополии и мир. С. 122–127, 143–151; Трухановский В.Г. Новейшая история Англии. М., 1958. С. 17–19, 57–67, 103–111, 162–169; Дубинский Л.С. Монополии и экономика Англии (До второй мировой войны). М., 1960; Аллен Дж. С. Отрасли британской промышленности и их организация. М., 1961; Экономическая история капиталистических стран. С. 160–171; Языков Е.Ф. История стран Европы и Америки в новейшее время. 1918–1945. М., 1998. С. 149–176.

²⁶ Беттельхейм Ш. Экономика Франции. 1919–1952. М., 1953. С. 23–204; Борисов Ю.В. Новейшая история Франции. М., 1966. С. 20–24, 34–37; История Франции. В 3 т. Т. 3. М., 1973. С. 5–15, 59–62; Смирнов В.П. Новейшая история Франции. М., 1976. С. 34–40, 68–75; Экономическая история капиталистических стран. С. 171–180.

французская экономика характеризовалась относительно низким техническим уровнем промышленности, невысокой производительностью труда и степенью концентрации производства. Попытки расширить экономическое сотрудничество с Германией во второй половине 1920-х гг. натолкнулись на ряд экономических и политических препятствий и окончились безрезультатно. В итоге, хотя промышленное производство во Франции возросло с 1920 г. до 1929 г. на 77 %, ее экономика значительно отставала от экономики США, Англии и Германии.

Потерпев поражение в Первой мировой войне, **Германия**²⁷ оказалась в состоянии экономического краха. Территориальные потери, передача материальных ресурсов победителям в счет репараций, инфляция, политическая нестабильность вели к постоянному спаду промышленного производства. Доля Германии в мировом экспорте упала с 13 % в 1913 г. до 5,8 % в 1924 г. Правда, в условиях инфляции и финансовой реформы начала 1920-х гг. Германии удалось освободиться от 154 млрд внутреннего долга. Отсутствие механизма уплаты репараций вело к постоянным кризисам, которые под давлением Франции решались силой. Урегулирование проблемы репараций в плане Дауэса (1924 г.) позволило Германии получить необходимые инвестиции и на их основе модернизировать промышленность. К 1929 г. доля Германии в мировом экспорте возросла до 9,8 %. Однако связанная репарациями и процентами по займам германская экономика была обречена на незначительную долю накоплений. До конца 1920-х Германии удавалось совмещать репарации, социальные выплаты и приемлемый уровень налогов, однако это равновесие было шатким из-за отсутствия финансовых резервов.

Экономическое положение **Италии**²⁸, которая практически сразу же после окончания войны оказалась охваченной кризисом 1919–1923 гг., было сложным. Лишь в середине 1920-х гг. экономика Италии вошла в полосу подъема, чему способствовали стабилизация лиры в 1926 г. при помощи американских займов и значительные льготы по условиям выплаты военного долга США. В целом объем промышленного производства Италии возрос за 1924–1929 гг. на 19 %, а ее доля в мировой промышленной продукции увеличилась с 2,7 % в 1913 г. до 3,3 %. В 1930-е гг. на развитии экономики Италии сказывалась ограниченность сырьевых запасов страны, что делало ее зависимой от импорта. Для экономики характерен длительный застой, сменившийся военной конъюнктурой. Прирост промышленного производства за 1929–1938 гг. составил лишь 10 %, а удельный вес Италии в общем объеме мировой продукции обрабатывающей промышленности в 1930-е гг. несколько сократился.

Япония²⁹ довольно успешно использовала Первую мировую войну для своего экономического развития, увеличив на 25 % свое национальное богатство. Ослабление конкуренции великих держав на Дальнем Востоке позволило японской промышленности развиваться за счет экспорта, но восстановление довоенной ситуации привело к спаду вследствие узости внутреннего рынка. В 1920–1923 гг. японская экономика переживала кризис, осложненный землетрясением в районе Токио. Вторая половина 1920-х гг. характеризовалась умеренным промышленным подъемом, сдерживавшимся узкой сырьевой базой Японии. Объем внешней торговли

²⁷ Аллен Дж. С. Международные монополии и мир. С. 3—22; Кейнс Дж. М. Пересмотр мирного договора. М., 1924; Кульбакин В.Д. Милитаризация Германии в 1928–1930 гг. М., 1954; Германская история в новое и новейшее время. Т. 2. М., 1970. С. 101–106; Руге В. Германия в 1917–1933 гг. М., 1974; Экономическая история капиталистических стран. С. 180–185; Чинилин П.Ю. Генрих Брюнинг и финансовая реформа в Германии (1930–1932 гг.) // Экономическая история. Реформы и реформаторы. М., 1995. С. 155–176; История мировой экономики. Хозяйственные реформы 1920–1990 гг. С. 9—15.

²⁸ Вишнев С. Военная экономика фашистской Италии. М., 1946; История Италии. Т. 3. М., 1971. С. 5—143; Цибизова И.М. К истории итальянского экспансионизма в Европе. (Проникновение в Албанию в начале 20-х гг. XX века) // Италия и Европа. М., 1990. С. 259–286.

²⁹ Аллен Дж. С. Международные монополии и мир. С. 53–85; Коеи Дж. Б. Военная экономика Японии. М., 1951; Лукьянова М.И. Японские монополии во второй мировой войне. М., 1953; История войны на Тихом океане. В 5 т. Т. 1. Пер. с яп. М., 1957. С. 25–41; Очерки новейшей истории Японии. М., 1957. С. 3—58, 92–97; Кутаков Л.Н. Очерки новейшей истории Японии. 1918–1963. М., 1965. С. 11–13, 38–40, 49–51; Экономическая история капиталистических стран. С. 250–253; Попов В.А., Маркарян С.Б. Две исторические модели развития Японии в XIX–XX вв. // Экономическая история: Исследования, историография, полемика. М., 1992. С. 186–207.

вырос незначительно, с 1,9 млрд иен в 1920 г. до 2,1 млрд иен в 1929 г. В целом японская экономика была еще недостаточно развита. Хотя объем промышленного производства и возрос за 1924–1930 гг. на 28 %, в 1930 г. легкая промышленность давала 61,8 % продукции, а удельный вес Японии в мировом производстве составил 2,5 %.

Перед **советским руководством**³⁰ после окончания Гражданской войны стояла насущная задача восстановления экономики и нормализации жизни в стране. Снятие экономической блокады в январе 1920 г. позволило начать экономические контакты с европейскими странами, но они так и не стали прочными, поскольку на их развитии сказывалась политическая конъюнктура. Невозможность получения инвестиций на Западе без уплаты дореволюционных долгов вынудила советское руководство принять идею экономической автаркии с опорой на собственные силы. Провозглашенная в 1921 г. новая экономическая политика позволила восстановить экономику, но поставила ряд трудноразрешимых проблем. Центральной из них была проблема баланса государственного и частного секторов экономики, который так и не был найден. Применение принципов НЭПа было достаточно избирательным, порождая проблему степени государственного управления экономикой. Сформировавшийся рынок в силу вышеуказанных причин оставался неразвитым и деформированным, сохраняя высокий уровень монополизации. Сохранение высокого уровня дефицитности товарного рынка порождало периодические кризисы в 1923, 1925, 1927–1928 гг., урегулирование которых неэкономическими средствами из-за стремления сохранить политическую стабильность подрывали развитие рынка. Будучи компромиссом, НЭП не мог не кончиться кризисом, но позволил нормализовать экономическое положение в стране после Гражданской войны. В целом восстановление промышленности затянулось до 1928 г. СССР за счет экспорта сырья импортировал промышленное оборудование. Ставка на иностранные концессии как на проводников новейших технологий в целом не оправдалась, хотя и позволила получить некоторые выгоды.

«Военная тревога» 1927 г. обнажила ряд внутренних противоречий советского общества, показав, что значительная часть населения не поддерживает власть, паника обострила дефицит и привела к срыву хлебозаготовок. Советское руководство убедилось, что имеющаяся оборонная промышленность и армия не позволяют вести масштабные военные операции. Соответственно начался период планомерной подготовки экономики и армии к войне, которая была, по мнению советского руководства, неизбежна. Но развитие ВПК и армии требовало решения крестьянского вопроса и достижения морально-политического единства общества. Низкая товарность сельского хозяйства стимулировала необходимость государственного контроля за хлебным рынком, который был практически монополизирован им к 1926–1927 гг. Экономическая отсталость, характерная для дореволюционной России, не только не была устранена в 1920-е гг., но, наоборот, усугублялась, что ставило под угрозу выполнение задачи возвращения СССР в клуб великих держав. Перед советским руководством стояла дилемма: либо страна

³⁰ История социалистической экономики СССР. Т. 2–5. М., 1976–1978; *Могилевкин И.М.* Указ. соч. С. 6–133; *Бюффа Д.* История Советского Союза. Т. 1. М., 1990. С. 161–171, 224–242, 295–304, 329–384, 469–501; *Лельчук В.С.* 1926–1940 годы: завершенная индустриализация или промышленный рывок // История СССР. 1990. № 4. С. 3–25; *Дэвис У.* Советская экономика в период кризиса. 1930–1933 годы // История СССР. 1991. № 4. С. 198–210; *Горинев М.М., Цакунов С.В.* 20-е годы: становление и развитие новой экономической политики // История Отечества: люди, идеи, решения. М., 1991. С. 118–164; *Горинев М.М., Доценко Е.Н.* 30-е годы // Там же. С. 165–216; *Голанд Ю.М.* Кризисы, разрушившие нэп. М., 1991; *Роговин В.З.* Власть и оппозиция. М., 1993. С. 11–26, 119–136, 186–195, 206–230, 329–349; *Мау В.А.* Реформы и догмы. 1914–1929: Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993; НЭП: приобретения и потери. М., 1994; *Цакунов С.В.* В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М., 1994; *Дэвис Р., Хлевнюк О.В.* Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики // Отечественная история. 1994. № 3. С. 92–108; *Симонов Н.С.* «Крепить оборону страны Советов» («Военная тревога» 1927 года и ее последствия) // Отечественная история. 1996. № 3. С. 155–161; *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР. М., 1996. С. 50–137; *Горинев М.М.* Советская история 1920–30-х годов: от мифов к реальности // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 239–277; *Голод в СССР. 1929–1934.* В 3 т. Т. 1–3. М., 2011–2013; *Прудникова Е., Чигирин И.* Мифология «голодомора». М., 2013.

вновь станет великой державой и усилит свое влияние в мире, для чего требуется коренная модернизация экономики, либо ей придется довольствоваться ролью региональной державы с перспективой дальнейшего ослабления своего влияния. Стремление быстро поднять экономический уровень страны вело к подготовке экономического скачка, который должен был завершить начатое в конце XIX в. создание индустриальной структуры экономики.

Проблема финансирования модернизации усугублялась отсутствием свободных капиталов, что требовало от СССР получения средств из-за границы или изыскания их внутри страны. Интеграция в капиталистическую экономику была для советского руководства совершенно неприемлема, поскольку ставила проблему сохранения командных высот в экономике, а тем самым и власти в стране. Оставался лишь один путь – опора на внутренние средства, что вело к усилению традиционного вмешательства государства в экономику, которое было единственной силой, способной осуществить аккумуляцию финансовых средств и их использование для модернизации промышленности. Убедившись на рубеже 1920–1930-х гг., что в международном плане у СССР нет серьезных проблем, советское руководство решилось на скачок. Кризис хлебозаготовок 1927–1928 гг., совпавший с подготовкой экономического скачка, обнажил проблему взаимосвязи дальнейшего развития сельского хозяйства при сохранении неповских принципов и индустриализации. Осуществление форсированной индустриализации зависело от стабильного снабжения населения продовольствием, что требовало государственной монополии не только на хлебном рынке, как оказалось – явно недостаточной, но и во всем сельском хозяйстве. Эту проблему была призвана решить начавшаяся в 1929 г. коллективизация, которая резко подняла товарность сельского хозяйства и позволила изъять из деревни лишние рабочие руки.

В ходе начавшейся одновременно Первой пятилетки дефицит финансовых средств стимулировал сокращение непроизводственных расходов, внеэкономическое принуждение и ударничество, которое должно было позволить преодолеть первую фазу индустриализации. В этих условиях советское руководство сделало ставку на форсированное развитие передовых отраслей тяжелой промышленности, которые могли стать базой для индустриализации других отраслей экономики. Мировой экономический кризис 1929–1933 гг. умело использовался СССР для закупок техники и технологии за рубежом. В годы Первой пятилетки около 95 % советских промышленных предприятий получили западную помощь в форме техники, технологии или технической помощи. Сотрудничество с западными фирмами и использование дешевого труда советского населения позволили заложить основу современной тяжелой промышленности. Одновременно в сельском хозяйстве нарастал кризис, который привел в 1932–1933 гг. к голоду в деревне. Экстенсивное развитие в период создания основ современной индустрии в годы Первой пятилетки сменилось во Второй пятилетке более планомерным промышленным строительством, интенсивным освоением производственных мощностей и наращиванием производства. Одновременно ускоренным темпом развивался советский ВПК, общий прирост производства которого возрос за 1933–1937 гг. на 286 % по сравнению с общим промышленным приростом на 120 %.

Между 1928 и 1940 гг. СССР был радикально преобразован и стал могущественной военно-экономической великой державой, была создана современная тяжелая промышленность, заложены новые экономические центры. Создание современной промышленности позволило несколько повысить жизненный уровень населения и сократить закупки техники за границей. Теперь закупались лишь новейшие образцы техники и технологии, что привело к сокращению внешнеторгового оборота страны. Если в 1913 г. доля России в мировой торговле составляла 3,9 %, то в 1929 г. на СССР приходилось всего 1,3 %, в 1936 г. – 1,24 % и в 1938 г. – 1,1 %. Тем самым значительно сократилось использование страной международного разделения труда. Благодаря индустриализации СССР становился все более самообеспеченной и не зависящей от мирового капиталистического рынка страной. Страна достигла высо-

кого уровня экономической автаркии, что позволяло, наряду со стабильностью политического режима, целенаправленно готовиться к борьбе за усиление советского влияния в мире. «Единство нации укреплялось перед войной всеми возможными (и невозможными) средствами и было сильно, как никогда, в то время как весь мир, введенный в заблуждение чистками и репрессиями 1936–1938 гг., полагал, что СССР стоит на пороге краха. Только 22 июня 1941 года, когда Гитлер напал на Россию, миру открылась подлинная мощь этой страны»³¹.

Мировой кризис 1929–1933 гг. нанес тяжелый удар по мировой экономике. Мировое промышленное производство снизилось на 37 %, сократилась емкость мирового рынка. Финансовый кризис привел к резкому сокращению экспорта капитала, который упал с 2,8 млрд долларов в 1928 г. до 344 млн долларов в 1932 г. и до 311 млн долларов в 1936 г. В индексном выражении экспорт капитала сократился со 100 в 1925–1928 гг. до 12 в 1932 г. и 10 в 1934 г. Соответственно, сократилась и общая сумма частных долгосрочных инвестиций с 47,5 млрд долларов в 1929–1930 гг. до 31,1 млрд долларов в 1938 г. Оказалась разрушенной кредитная сфера: в период кризиса 25 стран прекратили платежи на общую сумму 6,3 млрд долларов. Мировой валютный кризис привел к краху системы «золотого стандарта» и складыванию валютных блоков, что явилось попыткой защититься от девальвации валют. Стремление ведущих стран оградить свою экономику высокими таможенными барьерами в совокупности с вышеперечисленными проблемами вело к росту автаркических тенденций и формированию торговых блоков, что стимулировало атомизацию мирового рынка, усиливало двустороннюю торговлю в ущерб многосторонней. Стремление великих держав преодолеть кризис и его последствия на путях расширения экспорта усиливало рост конкуренции, государственную поддержку экспортеров и протекционизм. В результате относительно единая мировая экономика 20-х гг. оказалась в кризисе и стала распадаться на локальные экономические системы, подрывая мировую стабильность³².

Кризис в наибольшей мере ударил по **американской экономике**³³. Пытаясь преодолеть кризис, американское руководство ввело в 1930 г. высокие таможенные пошлины на импорт, вызвав ответные меры, что ударило по американскому экспорту. В условиях валютного кризиса большая часть американских инвестиций в Европе, Канаде и Австралии обесценилась, а отмена долговых платежей с 1932–1933 гг. еще больше сократила заграничные инвестиции. Пытаясь надавить на отказавшихся от уплаты должников, США в 1934 г. приняли закон об отказе в кредитах этим странам, что еще больше ограничило возможности экспорта капиталов. В итоге объем внешней торговли сократился в 3,1 раза, а доля США в мировой торговле снизилась с 13,8 % в 1929 г. до 10,8 % в 1932 г. В течение 1930-х гг. США использовали все способы для преодоления зарубежных таможенных барьеров. К 1937 г. им удалось несколько увеличить свою долю в мировой торговле до 11,7 %, но уже в 1938 г. она вновь сократилась до 10,7 %. В 1930-е гг. сокращение объема внешней торговли США было более значительным, чем Англии.

Таблица 1. **Индекс внешней торговли**³⁴

³¹ Тибо П. Эпоха диктатур. 1918–1947 гг. Пер. с фр. М., 1998. С. 90.

³² Межимпериалистические противоречия на первом этапе общего кризиса капитализма. С. 7–15; Языков Е. Ф. Указ. соч. С. 177–194.

³³ Аллен Дж. С. Международные монополии и мир. С. 99–107, 122–127; Кодаченко А. Англо-американское экономическое соперничество в период кризиса 1929–1933 гг. // Межимпериалистические противоречия на первом этапе общего кризиса капитализма. С. 271–310; Мельников Ю. Роль американско-германских противоречий в возникновении второй мировой войны // Там же. С. 52–79; Лан В. И. Указ. соч. С. 298–335; История США. Т. 3. С. 151–180, 213–282; История мировой экономики. Хозяйственные реформы 1920–1990 гг. С. 15–28; Языков Е. Ф. Указ. соч. С. 233–273; Саиталов А. А. Империалистическая борьба за источники сырья. М., 1954. С. 186–198, 477–478, 479–480.

³⁴ Межимпериалистические противоречия на первом этапе общего кризиса капитализма. С. 308.

Страна	1929 г.	1932 г.	1937 г.	1938 г.
США	100	30,5	39,2	31,1
Англия	100	39,6	48,1	42,8

Одним из наиболее заманчивых для США рынков являлась Британская империя, ставшая в 1920-е гг. объектом американского экономического проникновения. Однако кризис 1929–1933 гг. изменил ситуацию. Англия создала имперскую систему преференций. Соответственно, американский экспорт в империю в индексном выражении сократился со 100 в 1929 г. до 26 в 1932 г. и вырос лишь до 66,9 в 1937 г. В то же время для Англии сокращение экспорта в империю было менее значительным: со 100 в 1929 г. до 50,9 в 1932 г. и 76,9 в 1937 г. Частные американские инвестиции в империи сократились с 5 164,3 млн долларов в 1930 г. до 4 165,8 млн долларов в 1938 г., а английские возросли со 2 187 млн фунтов стерлингов до 2 318 млн фунтов стерлингов (почти 11 590 млн долларов). Местом англо-американского торгового соперничества оставалась и Латинская Америка. В годы кризиса Англии удалось улучшить там свои позиции. Ее удельный вес во внешней торговле 20 латиноамериканских стран возрос. В 1930-е гг. торговым конкурентом США стала и Германия. С 1929 г. до 1938 г. американский экспорт в Германию сократился с 401 млн долларов до 104 млн долларов, США были вытеснены с рынков Юго-Восточной Европы.

Таблица 2. Доля стран во внешней торговле Латинской Америки (%)³⁵

Страна	1929 г.	1933 г.	1938 г.
Англия	16,7	20,1	14,2
США	36,4	29,3	33,3
Германия	9,4	9,2	14,1

Международная экономическая конференция 1933 г. в Лондоне провалилась из-за позиции США по таможенным тарифам и девальвации доллара. В рамках «нового курса» было введено государственное регулирование экономики, что позволило перевести кризис в стагнацию, продолжавшуюся до 1936 г. и сменившуюся новым спадом в 1937–1938 гг. Несмотря на государственную поддержку, американская экономика развивалась в первой половине 1930-х гг. очень низкими темпами. Лишь в 1937 г. промышленность США превзошла уровень 1929 г., но уже во второй половине года наметился новый спад. Восстановление промышленности шло в США медленнее, чем в Англии, соответственно сократилась их доля в мировом промышленном производстве. Уверенное наступление США на экономические позиции Англии, успешно продолжавшееся все 1920-е гг., было прервано в условиях мирового кризиса начала 1930-х гг. Вместе с тем американским монополиям удалось за межвоенное двадцатилетие закрепиться в нефтедобывающих районах за пределами США и к 1939 г. они контролировали там 24,5 % разведанных запасов нефти и 40,2 % ее добычи. Соответственно доля англо-голландских компаний в контроле за разведанными запасами нефти снизилась с 75 % в 1920 г. до 64,3 % в 1939 г., а их участие в добыче нефти в 1937 г. составило 53,3 %.

Английская экономика³⁶ ощутила воздействие кризиса с начала 1930 г. Относительно неглубокий спад производства поставил Англию в более выгодные условия по сравнению с

³⁵ Там же. С. 41, 44.

³⁶ Аллен Дж. С. Международные монополии и мир. С. 122–127, 143–151; Межимпериалистические противоречия на первом этапе общего кризиса капитализма. С. 18–51, 271–310; Поздеева Л.В. Англия и ремилитаризация Германии 1933–1936 гг. М., 1956. С. 5–44; Трухановский В.Г. Указ. соч. С. 174–220, 227–233; Дубинский Л.С. Указ. соч.; История мировой экономики. Хозяйственные реформы 1920–1990 гг. С. 39–43.

США. В 1931 г. Англия отказалась от «золотого стандарта» и девальвировала фунт стерлингов, что вызвало снижение цен на английский экспорт, сделав его более конкурентоспособным, нежели американский. Для борьбы с американской торговой конкуренцией в 1931 г. создается Стерлинговый блок, а с 1932 г. вводятся имперские преференции. Все это позволило Англии вновь занять первое место в мировой торговле, увеличив свою долю с 13,05 % в 1929 г. до 13,24 % в 1932 г., тогда как доля США сократилась с 13,84 % в 1929 г. до 10,8 %. В условиях валютного кризиса Англия смогла сохранить относительно высокие показатели в экспорте капиталов. Так, в 1932–1938 гг. США вывезли 191,2 млн долларов, а Англия – 1 млрд долларов. Борьба девальвированных фунта стерлингов и доллара велась с переменным успехом до 1936 г., когда США, Англия и Франция договорились о финансовой стабилизации на достигнутом уровне. За это время Англия значительно улучшила свои позиции.

Уже в 1934 г. английская промышленность смогла превзойти уровень докризисного 1929 г., и середина 1930-х гг. стала для Англии периодом экономического подъема. Начавшееся с 1934 г. перевооружение британских вооруженных сил и рост военных расходов стимулировали промышленное производство. Потеснив на мировых рынках американские товары, Англия столкнулась с новым конкурентом – Германией, экономическое соперничество с которой также приняло мировой характер. В 1937 г. удельный вес в мировом экспорте готовых изделий составлял для Англии – 20,8 %, Германии – 20,8 %, США – 18,2 %, Японии – 6,7 %. Благодаря более высоким темпам промышленного развития, Германия к 1938 г. обогнала Англию по доле экспорта машин – 24 % к 23 % соответственно. К концу 1930-х гг. изменилось положение Англии на европейских рынках. Германия стала преобладать на рынках стран Юго-Восточной Европы, которые в силу своего преимущественно аграрного развития оказались привязанными к германскому рынку промышленных изделий. Для Англии, связанной имперскими преференциями, развитие торговли с этими странами оказалось затруднено. Жесткое англо-германское торговое соперничество шло и в Латинской Америке. Экономическая экспансия Германии оживила традиционные англо-германские противоречия, которые Лондон стремился преодолеть на основе глобальной договоренности с Берлином.

Влияние кризиса, сказавшегося лишь в 1931 г., на экономику **Франции**³⁷ было, в отличие от других великих держав, более продолжительным. Затяжная стагнация, поразившая французскую экономику в 1930-е гг., привела к падению доли Франции в мировом промышленном производстве с 7 % в 1928 г. до 5,1 % в 1937 г. На протяжении большей части 1930-х гг. промышленное производство во Франции находилось на уровне ниже довоенного 1913 г., что в условиях аграрного кризиса значительно повысило социальную конфликтность в обществе. В условиях кризиса Франция также ввела протекционистские тарифы. Внешняя торговля сократилась с 18 млрд франков в 1929 г. до 10,4 млрд франков в 1936 г. и лишь немного возросла в 1938 г. – до 14,1 млрд франков, за счет увеличения торговли с колониями. Соответственно доля Франции в мировой торговле также сократилась – с 7,7 % в 1913 г. до 5,1 % в 1937 г. В условиях девальвации доллара и фунта стерлингов франк также был девальвирован в 1936 г. Это спровоцировало резкий рост цен и привело к тому, что с 5 мая 1938 г. франк стал денежной единицей, привязанной к фунту стерлингов. На столь сложном состоянии экономики Франции сказались узость сырьевой базы, падение объемов внешней торговли. Устарелое оборудование и узость внутреннего рынка вели к введению протекционизма, что еще более сократило связь французской экономики с мировым рынком. Политические амбиции Франции после Первой мировой войны привели к трате значительных финансовых средств на иллюзорные цели, что способствовало подрыву денежной системы и росту государственного долга.

³⁷ История Франции. Т. 3. С. 138–141; *Борисов Ю.В.* Указ. соч. С. 66–71, 118–125; Межимпериалистические противоречия на первом этапе общего кризиса капитализма. С. 143–181; История мировой экономики. Хозяйственные реформы 1920–1990 гг. С. 44–49; *Беттельхейм Ш.* Указ. соч. С. 23–204; *Язьков Е.Ф.* Указ. соч. С. 274–312; *Смирнов В.П.* Указ. соч. С. 98–114.

Мировой кризис 1929–1933 гг. очень сильно проявился в **Германии**³⁸, что было связано с репарационными обязательствами и наличием в германской экономике слишком значительной доли иностранных инвестиций. Отзыв иностранных средств в период кризиса привел к краху финансового фундамента германской экономики. Экономический кризис в Германии привел к острому политическому кризису, выход из которого был найден в передаче власти НСДАП. Соответственно резко усилилось государственное вмешательство в экономику на основе стимулирования тяжелой промышленности и милитаризации. Инвестиции в легкую промышленность возросли с 1933 до 1935 г. лишь в 1,7 раза, тогда как в тяжелую – в 4 раза. Это быстро сказалось на развитии экономики, позволив Германии усилить экономическую экспансию на мировых рынках. Цель германской внешней торговли, также полностью контролировавшейся государством, состояла в обеспечении страны стратегическим сырьем. Во внешней торговле со странами Юго-Восточной Европы Германия широко использовала клиринг, что позволяло ей, имея пассивный торговый баланс, постоянно расширять импорт сырья и продовольствия с Балкан. К концу 1930-х гг. Германия стала преобладающей силой на рынках Юго-Восточной Европы, вытеснив оттуда Англию и США. В 1930-е гг. Германия успешно внедрялась и на рынках Латинской Америки, используя ту же клиринговую систему. В экспорте готовой продукции, особенно машин, Германии удалось внедриться и на рынки Британской империи, пользуясь относительной дешевизной своих товаров по сравнению с английскими.

Еще в 1929–1932 гг. Германия добилась снижения объема, а затем и полной отмены репараций. Однако к 28 февраля 1933 г. внешняя задолженность Германии составляла 23,3 млрд марок. Германское руководство на основе соглашения с крупными кредиторами смогло реструктурировать свои долги. В течение 1934 г. германский долг был сокращен на 97 %, что только в этом году сэкономило Германии 1 043 млн марок. Даже американские банки, которым Германия была должна 1 788 млн долларов, согласились на уступки, поскольку только на размещении облигаций по планам Дауэса и Юнга они получили почти 13 млрд долларов. Тем более что Германия гарантировала выплаты по этим займам. Англия, которой Германия должна была на 30 сентября 1933 г. 132 млн фунтов стерлингов (1 718 млн марок), заключила соглашение о невостребовании кредитов, что подтолкнуло к подобному решению и малые страны Европы. Несмотря на германские махинации с выплатой долгов по планам Дауэса и Юнга, ни США, ни Англия не применяли санкций, опасаясь краха нацистского режима и большевизации Германии.

Став в 1930-е гг. крупнейшим рынком сбыта сырья и военных материалов, Германия обеспечила себе относительно благоприятное положение в торговле с Англией и США, которые опасались, что ограничения на подобные операции могли бы привести к увеличению германского экспорта и усилить конкуренцию. Тем более что к 1935 г. Германия стала крупнейшим импортером сырья и военных материалов из США и Англии. Резэкспорт стратегического сырья Англией в Германию давал ей значительные прибыли и одновременно ограничивал германское проникновение в Британскую империю. Соответственно доля сырья в германском импорте возросла с 53,6 % в 1929 г. до 61,4 % в 1935 г. Умело используя англо-американскую конкуренцию, Германия постоянно закупала в Англии и США новейшие военно-технологические разработки и лицензии на производство необходимых военных приборов. Гонка

³⁸ Аллен Дж. С. Международные монополии и мир. С. 13–31; Поздеева Л.В. Указ. соч.; Межимпериалистические противоречия на первом этапе общего кризиса капитализма. С. 18–79, 143–181; История мировой экономики. Хозяйственные реформы 1920–1990 гг. С. 28–39; Размеров В.В. Экономическая подготовка гитлеровской агрессии. 1933–1935 гг. М., 1958; Руге В. Указ. соч. С. 223–300; Розанов Г.Л. Германия под властью фашизма. М., 1964. С. 3–51, 117–186; Германская история в новое и новейшее время. Т. 2. С. 137–176, 192–195, 198–205; Телегин Ф.Н. Военно-экономическая подготовка фашистской Германии ко второй мировой войне // Труды Краснодарского государственного педагогического института. Выпуск XXXIII. Кафедра истории. Краснодар, 1963. С. 91–110; Телегин Ф.Н. Военно-экономическая подготовка фашистской Германии к войне против СССР. Краснодар, 1966; Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1989. С. 13–89; Фокин В.Т. Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933–1939. М., 1963. С. 7–81; Язьков Е.Ф. Указ. соч. С. 195–232.

вооружений, все явственнее набравшая темп во второй половине 1930-х гг., стимулировала производство и приносила крупные прибыли международным картелям, которые активно использовались Германией для получения дополнительных финансовых средств в качестве премий за неиспользование экспортных квот, что было результатом милитаризации экономики.

Под прикрытием необходимости выплаты оставшихся долгов Германия постепенно расширяла экспортные операции. Англо-германская торговля осуществлялась на базе взаимных уступок, что привело к проникновению Германии на английский рынок. Доля Англии в экспорте Германии возросла с 7,4 % в 1929 г. до 9,5 % в 1937 г. Платежное соглашение от 10 августа 1934 г. позволило Германии получать за свой экспорт в Англию фунты стерлингов, расплачиваясь с английскими партнерами с помощью специального счета в Рейхсбанке. Только от махинаций в торговле с Англией Германия за период с 1 октября 1934 г. до 31 марта 1939 г. получила 55,5 млн фунтов стерлингов, из которых около 20 млн пошло на уплату долгов, а остальное на развитие германской внешней торговли.

Государственное стимулирование очень скоро сказалось на темпах экономического развития Германии. Общий объем производства средств производства в Германии составил в 1938 г. 37,5 млрд марок, тогда как в Англии – 25,4 млрд марок, во Франции – 10,9 млрд марок. В 1939 г. на Германию приходилось 43 % общего производства вооружения в Германии, США, Англии, СССР, Италии и Японии. Обеспеченность Германии продовольствием также возросла с 65 % в 1927 г. до 83 % в 1939 г. Удельный вес Германии в мировом промышленном производстве возрос с 8,3 % в 1932 г. до 13,3 % в 1939 г. (в границах 1937 г.), или 15 % (в границах 1939 г.). Соответственно Германия и экономически связанные с ней страны образовали третий торговый блок, основанный на клиринге и двусторонних финансовых отношениях. В 1938 г. Германия прочно заняла третье место в мировом внешнеторговом обороте, в котором на ее долю приходилось 9,4 %. Попытки США и Англии сепаратно договориться с Германией о разделе рынков и координации экономической политики не дали результатов, поскольку в условиях англо-американского соперничества германское руководство умело использовало его для достижения собственных целей.

Состояние **японской экономики**³⁹ к началу мирового кризиса характеризовалось преобладанием в ней отраслей легкой промышленности и сельскохозяйственного производства. 1930-е гг. стали периодом индустриализации Японии и создания современной по тому времени промышленности, развитие которой опиралось на военную конъюнктуру и использование сырьевых ресурсов Китая. Уже в 1937 г. тяжелая промышленность дала 57,8 % продукции промышленности. Оборот внешней торговли возрос с 2,3 млрд иен в 1931 г. до 7,1 млрд иен в 1940 г. В течение 1930-х гг. в Японии значительно усилилось государственное регулирование экономики, завершившееся принятием в 1938 г. закона о контроле за промышленностью. Пытаясь решить проблему снабжения промышленности сырьем, японское руководство усилило контроль за валютными операциями и внешней торговлей, доля которой в мировой возросла с 2,9 % в 1929 г. до 3,7 % в 1937 г. Япония располагала довольно ограниченным финансовым рынком, поэтому было широко распространено государственное финансирование экономики. Значительное влияние на экономическое развитие оказывала военная конъюнктура.

Американо-японские экономические связи способствовали модернизации японской промышленности и делали Японию одним из наиболее выгодных рынков для американских экспортеров на Дальнем Востоке. Кроме того, модернизация японской экономики вела к уси-

³⁹ Коеи Джс. Б. Указ. соч.; Лукьянова М.И. Указ. соч.; История войны на Тихом океане. Т. 1. С. 134–160; Очерки новейшей истории Японии. С. 116–137, 205–211; Кутаков Л.Н. Указ. соч. С. 70–78, 125–127; Экономическая история капиталистических стран. С. 250–253; Попов В.А., Маркарян С.Б. Две исторические модели развития Японии в XIX–XX вв. // Экономическая история: Исследования, историография, полемика. М., 1992. С. 186–207.

лению японо-английской конкуренции в Азии, что также было выгодно США. Общая архаичность общественных отношений в Японии способствовала извлечению высоких прибылей крупнейшими японскими промышленными группами и их американскими партнерами. В 1930-е гг. Япония стала вытеснять английские изделия легкой промышленности с рынков Азии. Используя свое географическое и военное положение, Япония усилила проникновение капиталов в Китай. Если в 1931 г. доля Японии в иностранных инвестициях в Китае составляла 35,1 %, уступая только Англии, то в 1937 г. она возросла до 41,8 %. Однако, несмотря на значительные изменения, произошедшие в японской промышленности в 1930-е гг., Японии не удалось существенно увеличить свою долю в мировой продукции обрабатывающей промышленности.

Развитие мировой экономики в межвоенное двадцатилетие, как уже отмечалось, прошло два основных этапа. В 1920-е гг. существовала в целом достаточно стабильная система мирового хозяйства, что способствовало сохранению послевоенного экономического статус-кво. Кризис 1929–1933 гг. изменил экономическую ситуацию. Единая мировая экономическая система оказалась расколотой на ряд локальных экономических систем, что привело к резкому усилению конкуренции великих держав. В 1930-е гг. начался явный процесс перераспределения экономических ролей великих держав в мировой экономике и изменения экономической картины мира. США и Англия продолжали противоборство за первое место в экономической иерархии великих держав. Германия стала третьей мировой державой, значение Франции снизилось, а Италия в целом сохранила свои позиции. Новыми промышленными державами стали СССР и Япония. Если достигнутую к концу 1930-х гг. производительность труда в Англии и Германии принять за единицу, то в США она была в полтора раза выше, во Франции ниже в полтора раза, в Италии – в два, в СССР – в три, в Японии – в шесть⁴⁰.

Англо-американское экономическое соперничество стало настолько привычным за 1920-е гг., что экономическое усиление Германии поначалу не воспринималось сторонами как серьезная угроза. Не случайно и Англия, и США способствовали развитию экономики Германии, надеясь использовать ее для давления на соперника. Используя англо-американские противоречия, Германия смогла не только значительно усилить свою экономику, но и проводить самостоятельную политику. В результате сформировалась система тройственного экономического соперничества Англии, США и Германии, что позволяло всем его участникам играть на противоречиях соперников. Правда, положение трех экономически ведущих великих держав было различным. Так, экономика США при всех сложностях затяжной депрессии все-таки обладала значительными потенциальными резервами и была заинтересована в консолидации мировой экономики, где она могла бы играть ключевую роль. Экономика Англии смогла преодолеть последствия кризиса на пути усиления экономического обособления Британской империи, но обладала ограниченными ресурсами для сохранения своего экономического положения в рамках открытой мировой экономики. Германия, сумевшая благодаря жесткому государственному контролю мобилизовать свою экономику и стать третьей экономической державой мира, вообще не обладала существенными ресурсами для долговременной экономической борьбы. Поэтому экономическая экспансия Германии сопровождалась использованием скрытой, а позднее и открытой военно-политической угрозы.

Англия стремилась не только использовать германо-американскую конкуренцию в своих интересах, но и добиться всеобъемлющего урегулирования отношений с Берлином, создав своего рода европейский политико-экономический блок, направленный против США и СССР. В середине 1930-х гг. США также осознали необходимость определенной договоренности с Германией. В конце 1936 г. Вашингтон предложил создать европейский консорциум для эксплуатации бассейна реки Конго и предоставить средства для стабилизации экономики Германии,

⁴⁰ См.: Дмитриев В.В. Экономика и война, или Кто как воюет. Л., 1991.

которая в ответ прекратила бы политику вооружения и автаркии. В результате осуществления этого плана международная торговля получила бы существенный толчок, США смогли бы усилить свою экономическую экспансию в Европе и Африке. Естественно, Англия всячески способствовала срыву этого плана и с начала 1937 г. усилила политику умиротворения Германии, надеясь достигнуть с ней собственного экономического соглашения. В 1937 г. США предложили провести конференцию для выработки мер по обеспечению равного доступа к сырьевым ресурсам в духе политики «открытых дверей», что, конечно же, вызвало негативную реакцию Англии, являвшейся собственником значительной части этих ресурсов. В ответ США и Германия провели в ноябре 1937 г. переговоры в Сан-Франциско о разделе мировых рынков, но в условиях экономического спада в США и более чем щедрых английских предложений в отношении пересмотра границ в Европе Германия уклонилась от каких-либо конкретных договоренностей⁴¹.

Стремясь использовать Германию против США, Англия вовсе не собиралась ухудшать свои отношения с Вашингтоном, осознавая необходимость противовеса Берлину, который всеми способами оттягивал заключение соглашения с Лондоном. Продолжая добиваться договоренности с Германией, Англия 17 ноября 1938 г. заключила с США торговый договор, предоставив им режим наибольшего благоприятствования, что приоткрыло для американской экономики дверь в Британскую империю. Однако контакты с Германией не прерывались и 15–16 марта 1939 г. в Дюссельдорфе было заключено англо-германское картельное соглашение, которое давало возможность изменить картельную структуру мира в пользу англо-германских монополий, а отказ США присоединиться к нему мог вызвать совместные ответные действия Англии и Германии. 11 марта 1939 г. Франция также предложила Германии заключить обширное экономическое соглашение. Все это не могло не вызвать бурного недовольства в США, которые в условиях угрозы экономической консолидации Европы с облегчением восприняли начавшийся предвоенный политический кризис, означавший подрыв этой опасной для них тенденции, что способствовало сохранению раскола Европы и возникновению войны⁴².

Прочие великие державы не имели возможности вступить в глобальную экономическую борьбу, но зачастую становились конкурентами ведущих экономических держав на региональном уровне. Япония довольно успешно играла эту роль на Дальнем Востоке, Италия – на Балканах и в Восточной Африке, Франция – в Европе и собственных колониях. Лишь СССР не участвовал в этой экономической борьбе, хотя и использовал свои внешнеторговые связи для усиления своего влияния. Распад мировой экономики на локальные экономические системы не только обострил взаимную конкуренцию великих держав, но и способствовал усилению гонки вооружений, которая рассматривалась в качестве средства стимулирования экономического подъема. В 1938 г. военные расходы Германии, Италии и Японии составляли 1 905 млн фунтов стерлингов, Англии, Франции и США – 829 млн фунтов, СССР – 924 млн фунтов стерлингов⁴³. Понятно, что милитаризация экономик Германии и СССР и развитие японской экономики в условиях военной конъюнктуры оказало определяющее влияние на их структуру. Не располагая возможностями для экономического противоборства на мировой арене, эти страны целенаправленно создавали военно-промышленный комплекс, готовясь к войне, что отражало их экономическую слабость, вынуждая ставить на первое место подготовку к деятельности в период военного времени, когда сама война рассматривается как необходимое условие для изменения своего места в мире.

⁴¹ Межимпериалистические противоречия на первом этапе общего кризиса капитализма. С. 62–64.

⁴² Там же. С. 74–75, 285; Аллен Дж. С. Международные монополии и мир. С. 20–22.

⁴³ Кнорр К. Военный потенциал государств. Пер. с англ. М., 1960. С. 93.

Таблица 3. **Военные расходы великих держав Европы (млн \$)**⁴⁴

Год	Германия	Англия	Франция	Италия	Всего
1932	253,5 (17,3%)	426,1 (29,2%)	509,2 (34,9%)	270,6 (18,6%)	1 459,4 (100%)
1936	3 600,0 (58,1%)	846,9 (13,7%)	834,4 (13,4%)	916,1 (14,8%)	6 197,4 (100%)
1939	4 500,1 (50,1%)	1 817,0 (20,2%)	1 800,2 (20%)	873,4 (9,7%)	8 990,7 (100%)

Экономическое соперничество в треугольнике Англия – США – Германия наложило на политическое противоборство великих держав на международной арене, что привело к взаимному стимулированию тех и других противоречий.

Версальско-Вашингтонская система представляла собой определенную форму политической организации международных отношений после войны 1914–1918 гг. и была закреплена в договорах и соглашениях 1919–1922 гг. Как обычно, основой системы международных отношений, важнейшим внутренним фактором ее развития являлся баланс сил, понимаемый как конкретно-историческое соотношение удельного веса и влияния входящих в систему государств, и в первую очередь великих держав, которые, по сути, являлись основными системообразующими элементами. Конечно, средние и малые государства также влияли на общий баланс сил в системе международных отношений, но преимущественно на региональном уровне. Существование любой, в том числе и Версальско-Вашингтонской системы, продолжается до тех пор, пока закреплённое в ней соотношение (баланс) сил между отдельными странами соответствует реалиям процесса исторического развития государств. Определенная устойчивость, присущая системе международных отношений, зависит от степени ее равновесности, являющейся частным случаем баланса сил, при котором он соответствует как минимум балансу главных интересов великих держав⁴⁵.

Однако в силу внутреннего развития великих держав «интересы одной или нескольких стран начинают выходить за рамки сложившегося баланса сил, в результате чего стабильность системы нарушается. В случае, если не удастся модифицировать систему и прийти к новому консенсусу, система разрушается. Переход от одной системы к другой, как правило, сопровождается войнами. Взаимоотношения государств внутри системы международных отношений определяются в первую очередь их отношением к существующему балансу. Некоторые стремятся к его закреплению, другие – к трансформации, третьи – к разрушению. В зависимости от этого государства и строят свои отношения друг с другом как союзники, партнеры или же как противники. Страны, стремящиеся к поддержанию равновесности системы, называют государствами-балансирами. Они выступают гарантами сохранения системы международных отношений, ее адаптации к новым историческим реалиям»⁴⁶.

Оформление нового мирового порядка в Европе после Первой мировой войны было осложнено революцией в России и хаосом в Восточной Европе. Выработкой Версальского договора занимались только победители, которые зачастую преследовали различные цели. Для Франции основное значение имело максимальное ослабление Германии, что позволяло закре-

⁴⁴ Могилевкин И.М. Указ. соч. С. 121–122, 126; Алексеев А.М. Военные финансы капиталистических государств. М., 1952.

⁴⁵ Поздняков Э.А. Внешнеполитическая деятельность и межгосударственные отношения. М., 1986; Богатуров А.Д., Плеваков К.В. Динамика международной стабильности // Международная жизнь. 1991. № 2. С. 35–46; Богатуров А.Д. Кризис миротворческого регулирования // Международная жизнь. 1993. № 7. С. 30–40; Богатуров А.Д. Современные теории стабильности и международные отношения России в Восточной Азии в 1970–90-е гг. М., 1996; Клейменова Н.Е., Сидоров А.Ю. Версальско-Вашингтонская система международных отношений: проблемы становления и развития. М., 1995; Баланс сил в мировой политике: теория и практика. М., 1993. С. 9–80; Хильдебранд К. Война в условиях мира и мир в условиях войны // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. Пер. с нем. М., 1996. С. 25–41; Хильсгрубер А. Итоги Второй мировой войны // Там же. С. 149–152; Мир между войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910–1940-х годов. М., 1997. С. 5–13; Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. История международных отношений. 1918–1939 гг. М., 2006. С. 16–28.

⁴⁶ Клейменова Н.Е., Сидоров А.Ю. Указ. соч. С. 8.

пить французскую гегемонию в Европе и обезопасить ее восточные границы. Англия и США были более заинтересованы в сохранении европейского равновесия. Для этого требовалось в большей степени учитывать интересы Германии, которую в условиях распада Австро-Венгрии, революции в России, общего национально-революционного подъема и действенной большевистской пропаганды можно было использовать в качестве стабилизирующего фактора в Центральной и Восточной Европе. В итоге Версальские договоренности были компромиссом между этими крайними позициями за счет побежденных, что предопределило революционный подъем в Венгрии, становление массовых коммунистических партий и реваншистский вектор внешней политики Германии. Англия и Франция пытались использовать новые государства, возникшие в Европе, как против большевистской революции, так и против германского реваншизма. Однако роль союзников Лондона и Парижа никогда не была слишком высока и имела тенденцию к снижению.

Гарантией прочности Версальской системы могла бы стать согласованная позиция Англии, Франции и США. Однако США по ряду причин самоустранились от политических проблем Европы, а Англия и Франция по-разному видели перспективу европейского равновесия. Германия, ставшая объектом Версальского договора, и СССР, вообще находившийся вне рамок новой системы международных отношений, вполне естественно стали ее противниками. Тем самым Версальская система оставалась неравновесной и неуниверсальной, а ее относительно высокая степень конфликтности, несмотря на широкую пропаганду пацифизма, предопределялась сохранением деления политической карты Европы на победителей и побежденных.

Урегулирование международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе проходило в более спокойной обстановке. В ходе конференции в Вашингтоне (12 ноября 1921—6 февраля 1922 г.) было установлено новое соотношение сил на Дальнем Востоке, в основе которого лежало партнерство великих держав на базе консенсуса по военно-морским проблемам, взаимных гарантий региональных интересов и общих принципов политики в Китае. Равновесность системы закреплялась новой ролью Японии, которая хотя и была вынуждена отказаться от союза с Англией и ограничить свои притязания в Китае и России, но получила гарантии военно-морской безопасности. Таким образом, Япония оказалась в роли основного гаранта Вашингтонской системы международных отношений. Однако гарантами от японского экспансионизма могли быть только дальневосточные державы в сотрудничестве с США и Англией, но они были либо исключены из системы международных отношений (СССР), либо являлись её объектом (Китай). Поэтому, будучи более равновесной системой, нежели Версальская, она оставалась неуниверсальной, поскольку исключила из своих субъектов СССР и Китай.

В рамках Версальско-Вашингтонской системы международных отношений все великие державы преследовали собственные цели, колеблющиеся в диапазоне от полного изменения мирового порядка до его значительной трансформации.

Основной целью **Англии** было сохранение роли политического центра мира и верховного арбитра в европейских делах, что требовало прежде всего восстановления в Европе «баланса сил». Европейское равновесие при косвенном британском контроле позволило бы Англии более активно противостоять двум основным угрозам ее положению в мире, исходившим от СССР и США. Создание «баланса сил» в Европе требовало от Англии ослабления преобладающего влияния Франции за счет усиления позиций Германии, что вело к уступкам Берлину. К консолидации Европы Англию также подталкивали центробежные тенденции, все явственнее ощущавшиеся в Британской империи. Сохранение положения Англии в мире в условиях изменения соотношения сил великих держав требовало контроля за процессом модернизации Версальско-Вашингтонской системы. Отражением этой политики стало «умиротворение», сводившееся к ревизии существующего мирового порядка под контролем Англии. К концу 1930-х гг. к двум уже традиционным угрозам английским интересам со стороны СССР и США добави-

лась угроза со стороны Германии, что поставило Англию перед проблемой выбора будущего партнера и цены сближения с ним.

Основной целью **Франции** было сохранение завоеванных позиций на основе создания общеевропейской системы безопасности, что встречало сопротивление остальных великих держав. Уступки Франции в вопросе о репарациях и равенстве прав Германии в вооружениях (1932 г.) и подписание Пакта четырех (1933 г.) вели к ослаблению ее влияния в Европе. Переговоры о Восточном пакте с целью создания общеевропейской системы безопасности натолкнулись на нежелание других великих держав и ряда французских союзников сотрудничать с СССР. В этих условиях договор о взаимопомощи с СССР стал для французского руководства средством давления на Англию и Германию. Кризис 1935–1938 гг. еще больше ослабил позиции Франции в Европе и привязал ее внешнюю политику к позиции Англии, рассматривавшейся в качестве естественного союзника против Германии.

В течение 1920-х гг. **Италия** продолжала внешнеполитическую традицию союза с Англией для усиления своего влияния на Балканах. Но реальное усиление позиций Италии в Восточном Средиземноморье привело с 1928 г. к охлаждению итало-английских отношений. В 1930-е гг. усиление Германии увеличивало заинтересованность Англии и Франции в сотрудничестве с Италией, что позволило последней добиться от них ряда уступок в Африке. В ходе кризиса 1935–1938 гг. Италия начала сближение с Германией, положив в основу своей внешней политики балансирование между Германией, Англией и Францией для расширения влияния в Средиземноморье, что было вполне совместимо с трансформацией существующей системы международных отношений.

Основной внешнеполитической целью **Японии** было расширение зоны влияния на Дальнем Востоке. В условиях гражданской войны в Китае, активного советского проникновения в Синьцзян, Монголию и Северную Маньчжурию, советско-китайского конфликта и англо-американского соперничества Япония сделала ставку на военно-политическое решение дальневосточных проблем. Использование межимпериалистических противоречий в регионе, антибольшевистская и антиколониальная пропаганда, обретение союзников в Европе позволили Японии проводить экспансионистский курс и сохранять приемлемые отношения с прочими участниками борьбы за влияние в регионе. В целом японское стремление к усилению своего влияния ограничивалось Дальним Востоком и было вполне совместимо с трансформацией существующей системы международных отношений.

Для **Германии** основной внешнеполитической целью была ревизия Версальского договора, а в перспективе и глобальное изменение существующей системы международных отношений. Используя противоречия между остальными великими державами, Германии удалось к концу 1932 г. устранить наиболее тяжелые последствия поражения в Первой мировой войне. Новое германское руководство успешно продолжило эту политическую линию, взяв на вооружение «политику свершившегося факта». Кризис 1935–1938 гг. усилил позиции Германии, которая нашла союзников и новые возможности для давления на Англию и Францию. Используя политику «умиротворения», свои достижения в экономике, военном строительстве, идеи антибольшевизма, пацифизма и национализма, Германия смогла с начала 1938 г. перейти к ревизии территориальных установлений Версальского договора. В итоге к концу 1930-х гг. Германия значительно увеличила свой военно-экономический потенциал и влияние на международной арене.

В годы революции и Гражданской войны **Советский Союз** утратил завоеванные Российской империей позиции на международной арене и территории в Восточной Европе. По уровню своего влияния в Европе страна оказалась отброшенной на 200 лет в прошлое и находилась вне рамок новой системы международных отношений. В этих условиях советское руководство могло либо согласиться с региональным статусом СССР, либо вновь начать борьбу за возвращение в клуб великих держав. Сделав выбор в пользу второй альтернативы, Москва

взяла на вооружение концепцию «мировой революции», совмещавшую новую идеологию и традиционные задачи внешней политики по усилению влияния страны в мире. Стратегической целью внешней политики страны стало глобальное переустройство системы международных отношений, что делало основными противниками Англию, Францию и их союзников. Сделав ставку на неизбежность возникновения нового межимпериалистического конфликта, СССР стремился не допустить консолидации великих держав на антисоветской основе, справедливо воспринимая это как главную угрозу своим интересам. Советское руководство умело использовало официальные дипломатические каналы, нелегальные возможности Коминтерна, социальную пропаганду, пацифистские идеи, антифашизм, помощь некоторым жертвам агрессоров для создания имиджа главного борца за мир и социальный прогресс.

Основой внешней политики **Соединенных Штатов** было стремление занять вместо Англии положение политического центра мира, что требовало полного переустройства системы международных отношений на основе создания глобального баланса сил великих держав под эгидой Вашингтона. Взяв на вооружение политику «изоляционизма», США положили в основу своей внешнеполитической деятельности экономическую экспансию, а экономическое соперничество с Англией вело США к поддержке Германии и Японии, экономическое усиление которых должно было осложнить положение Лондона и подтолкнуть его к уступкам Вашингтону. В 1930-е гг. при наличии сложных внутренних проблем США успешно использовали традиции английской политики «блестящей изоляции» XIX в., что позволяло им сохранять свободу рук, выжидая развития событий. Соответственно в отношении стран Латинской Америки с конца 1920-х гг. начинает проводиться политика «доброго соседа», на Дальнем Востоке – политика «непризнания», а в Европе – политика «нейтралитета». Наибольшую опасность для США представляла английская политика «умиротворения», реализация которой привела бы к сохранению основ существующей системы международных отношений. Тогда как срыв этой политики и эскалация кризиса благоприятствовали американским внешнеполитическим целям.

Говоря о развитии Версальско-Вашингтонской системы в межвоенное двадцатилетие, следует отметить наличие глобальных противоречий, оказавших первостепенное влияние на политику великих держав. Формирование послевоенной системы международных отношений проходило без учета интересов Германии и СССР, что сделало их ее противниками, и в Европе сложился политический треугольник (Англия и Франция – Германия – СССР), участники которого стремились достичь своих внешнеполитических целей, играя на противоречиях соперников. Опасаясь советско-германского сближения, Англия и Франция в середине 1920-х гг. пошли на уступки Германии, что привело к некоторому сглаживанию противоречий в Европе. Однако проблема СССР, стремившегося вернуть себе роль великой державы, так и осталась нерешенной, и в 1920-х гг. основным мировым противоречием было внешнее по отношению к системе международных отношений противоречие между СССР и мировым порядком, который в основном устраивал все остальные великие державы.

В 1930-е гг. изменение баланса сил великих держав привело к тому, что ряд держав сделали откровенную ставку на насильственную трансформацию Версальско-Вашингтонской системы, принципы которой перестали отвечать их интересам. Периферийное положение этих стран в системе международных отношений позволяло им использовать основное противоречие для улучшения своих позиций. К этому следует добавить общий рост регионализма, стремление всех великих держав использовать сложности соперников для улучшения собственных позиций. Тем самым обозначился внутренний кризис системы международных отношений, который невозможно было устранить без достижения нового баланса сил и интересов. Однако достаточно убедительные стимулы его достижения отсутствовали. Кризис мировой экономики совпал с кризисом Версальско-Вашингтонской системы, и все великие державы в той или иной степени стали на путь гонки вооружений, готовясь к новой борьбе за передел мира. Просто

одни делали ставку на грубую силу, а другие – на использование ситуации в своих интересах. Таким образом, в 1930-х гг. внешнее противоречие (СССР – Версальско-Вашингтонская система) было дополнено внутрисистемным, следствием чего стали кризис и крах системы международных отношений.

В результате политическая организация мира после Первой мировой войны оказалась слишком уязвимой в силу внутренне присущих Версальско-Вашингтонской системе пороков. Крушение межвоенной системы международных отношений прошло несколько этапов. В 1920-е годы можно выделить два крупнейших кризиса Версальско-Вашингтонской системы, которые привели к ее модернизации в Европе (1923–1925 гг.) и изменению соотношения сил на Дальнем Востоке (1925–1929 гг.). В 1930-е годы кризис 1931–1933 гг. положил начало насильственной трансформации системы международных отношений, а в ходе кризиса 1935–1938 гг. обозначилось ее крушение.

Первым внешним кризисом Версальско-Вашингтонской системы стали **события 1923–1925 гг.**⁴⁷ в Европе и на Ближнем Востоке, связанные с установлением Версальской системы. К осени 1922 г. стало ясно, что Турция, опираясь на советскую поддержку, отстояла свою независимость и Севрский договор требует коренного пересмотра. Новое соглашение вырабатывалось в ходе Лозаннской конференции (20 ноября 1922—24 июля 1923 г.), на которой кроме собственно турецкой проблемы обсуждался вопрос о режиме Черноморских проливов. Борьба Англии и СССР по вопросу о проливах привела к обострению их отношений, и, опасаясь советско-турецкого союза, творцы Версальской системы пошли на уступки Турции, получившей современные границы, а вопросы режима проливов были решены без учета советских интересов. 17 декабря 1925 г. СССР заключил с Турцией договор о дружбе и нейтралитете, гарантировав безопасность своих южных границ, а 5 июня 1926 г. была окончательно установлена турецко-иракская граница.

Тем временем многочисленные трения между Германией и ее победителями по вопросам репарационных выплат и выполнения в полном объеме Версальского договора в конце концов переросли в острый кризис. Попытка Германии добиться пятилетнего моратория на уплату репараций и получить инвестиции для экономического восстановления не встретили поддержки на Западе. Это привело к отказу Германии от уплаты очередного репарационного взноса. В ответ Франция и Бельгия 11 января 1923 г. оккупировали Рур, а германское руководство провозгласило политику «пассивного сопротивления». Германия оказалась охвачена острым кризисом, оживились сепаратистские, националистические и социальные движения. Предложение Англии выработать действенный механизм взимания репараций при финансовом содействии восстановлению германской экономики вызвало возражения со стороны Фран-

⁴⁷ *Джордан В.М.* Великобритания, Франция и германская проблема. 1918–1939. М., 1945; *Ушаков В.Б.* Внешняя политика Германии в период Веймарской республики. М., 1958. С. 42–108; *Трухановский В.Г.* Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма. (1918–1939 гг.). М., 1962. С. 91–149; *Кульбакин В.Д.* Очерки новейшей истории Германии. М., 1962. С. 154–219, 227–233; *Борисов Ю.В.* Указ. соч. С. 29–33; Германская история в новое и новейшее время. Т. 2. С. 61–100, 107–110; История Италии. Т. 3. С. 121–159; История Франции. Т. 3. С. 80–100; Европа в международных отношениях 1917–1939 гг. М., 1979. С. 36–94; *Смирнова Н.Д.* Политика Италии на Балканах. 1922–1935 гг. М., 1979. С. 12–100; *Слущ С.З.* О преемственности экспансионистских концепций германского империализма (Веймарский период) // Причины возникновения второй мировой войны. М., 1982. С. 31–48; История США. Т. 3. С. 124–128; *Горлов С.А.* Советско-германское военное сотрудничество в 1920–1933 гг. // Международная жизнь. 1990. № 6. С. 107–124; *Ахтамзян А.А.* Военное сотрудничество СССР и Германии 1920–1933 гг. (по новым документам) // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 3–24; Европа между миром и войной 1918–1939. М., 1992; *Бушцева Т.С., Дьяков Ю.Л.* Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы. М., 1992; *Поцхверия Б.М.* Турция между двумя мировыми войнами. (Очерки внешней политики). М., 1992. С. 15–93, 201–215; *Клейменова Н.Е., Сидоров А.Ю.* Указ. соч. С. 53–70; *Хибберт К.* Бенито Муссолини. Биография. М., 1996. С. 83–84; Кризис и война. Международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 30–40-х годах. М., 1998. С. 262–301; *Прокопьев В.П.* Государство и армия в истории Германии X–XX вв. Калининград, 1998. С. 351–383; *Горлов С.А.* Совершенно секретно: Альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР – Германия). М., 2001; *Мельтюхов М.И.* Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.). М., 2013.

ции, а попытки германского руководства привлечь для решения этих проблем США не увенчались успехом. СССР осудил империалистический разбой Франции и решил использовать ситуацию в Германии для подготовки силами германской компартии (КПГ) революционного переворота.

КПГ развернула активную пропаганду, вынудив прочие рабочие организации ориентироваться на нее из опасения утратить влияние в массах. Это оживило сепаратистские настроения местных элит, которые боялись революции и политического хаоса. В условиях нарастания политического кризиса 26 сентября 1923 г. германское правительство заявило об отказе от политики «пассивного сопротивления», 27 сентября ввело в стране чрезвычайное положение и, опираясь на рейхсвер, начало наводить порядок. КПГ не решилась на обострение обстановки, и «германский Октябрь» не состоялся. Лишь в Гамбурге, где местная организация КПГ не стала отказываться от подготовленного выступления, 23–25 октября произошли уличные столкновения рабочих с полицией и войсками. Затем в нарушение конституции были разогнаны рабочие правительства Саксонии (29 октября) и Тюрингии (12 ноября). На западе Германии 21–25 октября при негласной поддержке Франции была предпринята неудачная попытка создать Рейнскую республику. В Баварии сепаратистские настроения поблекли на фоне путча НСДАП 8–9 ноября, который стал последним крупным столкновением властей с политическими движениями в Германии. В начале 1924 г. политическая ситуация в стране нормализовалась, и 28 февраля чрезвычайное положение было отменено.

Обострение политической обстановки в Германии повлияло на позицию Англии и США, которые стали активнее выступать за компромиссное решение проблемы репараций. В ноябре 1923 г. начала работу комиссия экспертов по выработке плана экономического соглашения и Германия получила первые англо-американские кредиты, а в декабре 1923 г. был подписан американо-германский торговый договор. Тем самым США начали активное внедрение на германский рынок, а Франция, оказавшаяся в политической изоляции и столкнувшаяся с рядом экономических трудностей, пошла на уступки. На Лондонской конференции (16 июля — 16 августа 1924 г.) был принят план Дауэса, вступивший в силу с 1 сентября 1924 г. Еще с декабря 1922 г. Германия предлагала гарантировать свои западные границы, а с сентября 1924 г. стала требовать места в Совете Лиги Наций. Начавшиеся в декабре 1924 г. переговоры по этим вопросам завершились выработкой в ходе конференции 5–16 октября 1925 г. и подписанием 1 декабря Локарнских соглашений. Включение Германии в Совет Лиги Наций, отложенное до сентября 1926 г., дало Берлину повод заключить 24 апреля 1926 г. договор о нейтралитете с СССР.

В итоге Версальская система была модернизирована с учетом реальной ситуации на Ближнем Востоке и в Европе. Германии удалось использовать противоречия как между западными великими державами, так и между Западом и СССР для начала ревизии Версальского договора и интеграции в существующую систему международных отношений, что не мешало развитию секретного военного сотрудничества с Москвой. Англии удалось вернуть себе роль общеевропейского арбитра, ограничить притязания Франции и укрепить свои позиции в отношении США. Франция, лишившись возможности односторонних санкций, была вынуждена ограничить свои притязания к Германии, ее восточноевропейские союзники не получили гарантий своих границ, что несколько ослабило французское влияние в регионе. Советскому руководству не удалось устроить в Германии революционный переворот, а опасения в отношении консолидации Европы на антисоветской основе были несколько смягчены дипломатическим признанием СССР со стороны Англии, Италии и Франции и заключением советско-германского договора 1926 г., который рассматривался в качестве гарантии неучастия Германии в возможных антисоветских акциях Англии и Франции. США расширили свое экономическое присутствие в центре Европы, получив новый рычаг влияния. Италия, минимально затронутая кризисом, смогла сохранить свои владения в Эгейском море и, благодаря конфликту с Грецией в

августе 1923 г., урегулировать спорные проблемы в отношениях с Югославией. События 1923–1925 гг. продемонстрировали малую эффективность Лиги Наций как международного органа и ее зависимость от политики великих держав.

Вторым внешним кризисом Версальско-Вашингтонской системы стали **события 1925–1929 гг.**⁴⁸ в Китае, который являлся традиционным объектом эксплуатации великих держав. Хотя формально, согласно договору 9-ти держав, в Китае были ликвидированы сферы влияния Англии, Франции и Японии, в условиях фактического раскола страны на самоуправляющиеся регионы при сохранении номинального правительства в Пекине все великие державы поддерживали связи с теми или иными местными кликами, осуществляя через них свое влияние. Кроме того, в стране существовало два правительства: северное в Пекине и южное в Гуаньчжоу, из которых первое признавалось на международной арене правительством единого Китая, хотя и не могло осуществлять свои функции внутри страны в полном объеме. В условиях национально-освободительного подъема, активной советской пропаганды и связей СССР с Гуаньчжоу, пекинское правительство 31 мая 1924 г. вслед за Англией и Италией пошло на нормализацию отношений с СССР. 20 января 1925 г. были нормализованы советско-японские отношения на основе признания сторонами Портсмутского мирного договора, и к 15 мая японские войска были выведены с Северного Сахалина, а за СССР была признана сфера влияния в Северной Маньчжурии. Тем самым СССР создал предпосылки для более активного вмешательства в китайские дела в процессе противостояния Вашингтонской системе международных отношений.

30 мая 1925 г. в ходе забастовки в Шанхае на японском предприятии английская полиция применила против забастовщиков оружие, что привело к взрыву возмущения в стране. Началось широкое антиимпериалистическое движение, ударившее прежде всего по позициям Англии в Китае. США и Япония постарались предоставить инициативу подавления движения Англии, исподволь укрепляя свое влияние в регионе. СССР также использовал начавшиеся события для расширения своего влияния в Китае, еще в январе 1924 г. содействовав созданию в Гуаньчжоу союза китайской компартии (КПК) и Гоминдана (ГМД), которые смогли отразить попытку мятежа местных милитаристов и сформировать Народно-революционную армию (НРА). На севере Китая шла борьба за Пекин между армией генерала Фэн Юйсяня, поддержанного СССР, и войсками Чжан Цзолина, которого поддерживала Япония.

Тем временем в Китае в июле 1926 г. НРА начала Северный поход, и к марту 1927 г. южная часть страны вплоть до Янцзы была подчинена правительству Гуаньчжоу. 22–23 марта 1927 г. войска НРА вступили в Нанкин и Шанхай, что резко обострило отношения с Англией и США, предпринявших обстрелы Нанкина и начавших переговоры с Чан Кайши о поддержке в случае антикоммунистического переворота. Тем временем СССР решил подтолкнуть события за счет устранения Чан Кайши и усиления влияния КПК. В Пекине 6 апреля 1927 г. части Чжан Цзолина напали на советское консульство и захватили документы о предполагавшемся аресте Чан Кайши, которые немедленно были переданы ему. 12 апреля Чан Кайши осуществил антикоммунистический переворот, разорвал союз с КПК и начал репрессии против ее членов.

С середины 1925 г. англо-советские отношения стали ухудшаться, так как английское руководство считало, что именно СССР спровоцировал волнения в Китае. В 1926 г. в условиях свертывания социальных программ в Англии начались массовые забастовки, что резко обост-

⁴⁸ История войны на Тихом океане. Т. 1. С. 15–64, 92–133; Очерки новейшей истории Японии. М., 1957. С. 58–64, 86–102, 108–110, 113–115; Трухановский В.Г. Указ. соч. С. 157–167; Международные отношения на Дальнем Востоке. Т. 2. М., 1973. С. 53–83; История США. Т. 3. С. 139–143; Уткин А.И. США – Япония: вчера, сегодня, завтра. М., 1990. С. 51–70; Советская внешняя политика 1917–1945: Поиски новых подходов. М., 1992. С. 91–116; Клейменова Н.Е., Сидоров А.Ю. Указ. соч. С. 104–121; Противостояние. М., 1995. С. 69–95; Лихарев Д.В. Англо-американские отношения и проблема морских вооружений после Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Сб. науч. трудов. Уссурийск, 1996. С. 153–174.

рило внутреннюю ситуацию в стране. СССР не только использовал эти события для расширения пропаганды, но и поддерживал некоторые английские профсоюзы материально, что вело к еще большему охлаждению англо-советских отношений. 12 мая 1927 г. в Лондоне был совершен налет на советское торгпредство, где были обнаружены документы о помощи СССР забастовщикам, и 27 мая Англия разорвала дипломатические отношения с СССР. В тот же день японское руководство послало в Шандунь войска для прикрытия своего ставленника Чжан Цзолина в Пекине от НРА. Одновременно перед Токио встал вопрос об определении своей внешнеполитической линии в создавшейся обстановке, и в ходе Восточных конференций июня – августа 1927 г. японское руководство решило усилить экспансию в Китае. В начале сентября 1927 г. японские войска были выведены из Шандуня, а Чан Кайши совершил визит в Японию, пытаясь урегулировать отношения с этой страной в условиях начала гражданской войны на юге Китая. Визит закончился без особых результатов, и нанкинское руководство стало ориентироваться на США, которые использовали эту возможность для усиления своих позиций в Китае.

После заключения в марте – апреле 1928 г. американо-нанкинских соглашений о будущих договорах, НРА начала поход на Пекин. Япония вновь использовала войска в Шандуне, но не смогла удержать Чжан Цзолина от вывода его войск из Пекина. Более того, многолетний японский ставленник в Маньчжурии был заподозрен в намерении договориться с Чан Кайши и США и убит во время возвращения в Мукден. Открытое вмешательство Японии привело к росту антияпонского движения в Китае. 5 июня 1928 г. НРА заняла Пекин, 25 июля правительство Чан Кайши было признано США, а 20 декабря – Англией. 29 декабря 1928 г. сын и преемник Чжан Цзолина Чжан Сюэлян признал власть ГМД над Маньчжурией. В этих условиях Япония, опасаясь ухудшить отношения с США и Англией, в мае 1929 г. вывела свои войска из Шандуня и 3 июня 1929 г. вместе с Германией и Италией признала новое правительство в Китае.

Консолидация Китая дала возможность нанкинскому правительству добиваться отмены привилегий иностранных держав. В 1928–1929 гг. Китаю удалось увеличить таможенные пошлины с 5 до 7,5 % и вернуть 20 из 33 концессий. Стремясь ослабить советское влияние в Маньчжурии, китайское руководство в марте 1929 г. попыталось добиться выполнения советско-китайского соглашения о паритетном управлении КВЖД. Отказ СССР вызвал попытку Китая решить этот вопрос силой. 27 мая 1929 г. был совершен налет на советское консульство в Харбине, где были обнаружены документы о связях СССР с КПК и Фэн Юйсянем, находившемся в оппозиции к Чан Кайши, а 10–11 июля КВЖД была занята китайскими войсками. Переговоры сторон из-за неуступчивости СССР не дали результатов, что наряду с пограничными инцидентами вело к эскалации конфликта. Англия, Франция и США призвали стороны к решению проблем в рамках пакта Бриана – Келлога, но не признали самовольных действий китайской стороны, опасаясь создания прецедента. Япония и Германия заявили о своем невмешательстве. В октябре – ноябре 1929 г. Красная армия вторглась в Маньчжурию и разгромила войска Чжан Сюэляна. Фэн Юйсянь поднял мятеж, сковав войска Чан Кайши и не позволив использовать их в Маньчжурии. Переговоры сторон при посредничестве Германии привели 22 декабря 1929 г. к урегулированию конфликта на базе восстановления статус-кво.

В итоге событий в Китае изменился баланс сил великих держав на Дальнем Востоке. В Китае возник новый центр власти, значительно более влиятельный в масштабах страны, нежели прежнее пекинское правительство. Английское влияние в Китае снизилось, а американское возросло. Япония была вынуждена считаться с новой ситуацией в Китае. Казалось, что на Дальнем Востоке создана база для укрепления Вашингтонской системы за счет поддержания баланса сил между СССР, Китаем и Японией. Однако в условиях начала гражданской войны в Китае между КПК и ГМД, разрыва советско-китайских отношений 15 декабря 1927 г. и военного конфликта в Маньчжурии отсутствовала база для сотрудничества Москвы и Нан-

кина, что объективно вело к дестабилизации системы международных отношений и открывало дорогу японскому экспансионизму.

Первым внутренним кризисом Версальско-Вашингтонской системы вновь стали **дальневосточные события 1931–1933 гг.**⁴⁹. В условиях мирового экономического кризиса ожил японский экспансионизм. Великие державы были заняты борьбой с кризисом и с этой точки зрения не являлись угрозой для Японии. Китай и СССР после военного конфликта 1929 г. не достигли улучшения отношений. Нанкин был занят войной с КПК на юге Китая, а СССР экономически и политически осваивал Синьцзян. Все это исключало консолидацию Москвы и Нанкина против Японии. Используя благоприятную международную обстановку, войска Квантунской армии 18 сентября 1931 г. вторглись в Маньчжурию. Вновь не получивший помощи от Нанкина Чжан Сюэлян, стремясь сохранить войска, отвел их, не ввязываясь в серьезные бои с японцами.

Обращение Китая в Лигу Наций, которая занялась изучением вопроса, продемонстрировало незаинтересованность Англии и Франции в решении этой проблемы. США посоветовали Нанкину не отвлекаться от войны с КПК. Само китайское руководство было заинтересовано в ослаблении Маньчжурской армии Чжан Сюэляна, поскольку это усиливало влияние Нанкина. Япония пропагандировала идею наведения порядка в Маньчжурии и очищения ее от коммунистических элементов. В условиях провозглашения КПК 7 ноября 1931 г. Китайской советской республики эта пропаганда встречала полное понимание на Западе. Это не мешало японскому руководству проявлять лояльность в отношении СССР и советских граждан на КВЖД. СССР со своей стороны не проявил стремления к вмешательству, хотя и осудил агрессию в прессе. В ноябре – декабре 1931 г., когда японские войска стали продвигаться в Северную Маньчжурию, считавшуюся советской сферой влияния, отношения Москвы с Токио несколько ухудшились, что породило в западном мире надежды на возникновение войны между ними. Но советское руководство решило договориться и 31 декабря 1931 г. предложило Токио заключить договор о нейтралитете на основе сохранения «свободы рук» в Китае.

7 января 1932 г. американское руководство опубликовало свою «доктрину непризнания» изменений на Дальнем Востоке, а Англия вообще официально не отреагировала на эти события. Нападение Японии на Шанхай 23 января 1932 г. обострило ее отношения с Англией, Францией и США, которые, даже предприняв военную демонстрацию, действовали несогласованно. СССР попытался использовать ситуацию и подписал с Японией соглашение о торговле бензином с Маньчжурией и разрешил ей использовать КВЖД для военных перевозок. Однако ситуация вокруг Шанхая была урегулирована, и советско-японские противоречия в Маньчжурии, где 1 марта 1932 г. было провозглашено создание нового государства Маньчжоу-Го, вновь оживились. СССР негласно поддерживал антияпонские восстания и действия партизанских отрядов КПК.

Осенью 1932 г. СССР пытался договориться с Японией на основе взаимного признания статус-кво и договора о ненападении, но Япония отклонила эти предложения, ибо была заинтересована в сохранении неопределенности и контролируемой конфронтации с СССР, что позволяло пропагандировать антикоммунистическую борьбу и получать поддержку западных дер-

⁴⁹ История войны на Тихом океане. Т. 1. С. 161–247; Очерки новейшей истории Японии. С. 141–148, 158–164, 170–178, 187–205, 211–213; Ушаков В.Б. Указ. соч. С. 109–138; Трухановский В.Г. Указ. соч. С. 205–225; Кутаков Л.Н. Внешняя политика и дипломатия Японии. М., 1964. С. 83–101; Гилсен В.М. К вопросу о состоянии вооруженных сил в Германии в годы Веймарской республики (1919–1932 гг.) // Германский империализм и милитаризм. М., 1965. С. 277–314; История США. Т. 3. С. 186–201; История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 1. М., 1973. С. 80–111; Международные отношения на Дальнем Востоке. Т. 2. С. 84–110; Лан В.И. Указ. соч. С. 433–446; Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность. М., 1976. С. 11–189; Европа в международных отношениях 1917–1939 гг. С. 95–123; Уткин А.И. Указ. соч. С. 71–82; Советская внешняя политика 1917–1945: Поиски новых подходов. С. 116–127; Европа между миром и войной 1918–1939; Иванов А.Г. Агрессоры и умиротворители. М., 1993. С. 7–37; Клейменова Н.Е., Сидоров А.Ю. Указ. соч. С. 70–77, 122–133; Противостояние. С. 95–105; Кризис и война. С. 18–46.

жав. СССР, не имевший дипломатических отношений с США и Китаем и только 3 октября 1929 г. восстановивший дипломатические отношения с Англией, был изолирован в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и Япония могла не опасаться альтернативных советских блоков. В этих условиях Китай и СССР восстановили 12 декабря 1932 г. дипломатические отношения, а на следующий день Япония официально отказалась от предложенного СССР пакта о ненападении.

24 февраля 1933 г. Лига Наций наконец-то рассмотрела Маньчжурский вопрос и, констатируя нарушение Японией договора 9-ти держав, высказалась за непризнание Маньчжоу-Го. В результате Япония 27 марта заявила о выходе из Лиги Наций. Консенсус тихоокеанских и дальневосточных держав распался, обозначив кризис системы международных отношений. Отсутствие поддержки со стороны великих держав вынудило Китай на уступки Японии, что привело к подписанному 31 мая 1933 г. перемирию в Таньгу, которое было воспринято в мире как завершение кризиса. Освободившись от угрозы расширения конфликта, Япония усилила давление на СССР по вопросу о КВЖД, и в 1935 г. она была продана Маньчжоу-Го. Это привело к сужению советского влияния в Маньчжурии, но позволило Москве избежать войны на Дальнем Востоке.

Тем временем в Европе во второй половине 1920-х гг. Германии удалось устранить ряд контрольных установлений Версальского договора. В 1929 г. была выработана новая система выплаты репараций в иностранной валюте при одновременном уменьшении ежегодных взносов и окончания выплат в 1988 г. (план Юнга), принятие которой Германией привело к выводу оккупационных войск из Рейнской области в июне 1930 г. В условиях мирового валютного кризиса с июля 1931 г. был введен мораторий на взаимные расчеты, и выплата репараций была прекращена. В ходе Лозаннской конференции (16 июня – 9 июля 1932 г.) германские репарации были сокращены до 3 млрд марок, которые должны были быть выплачены в течение 15 лет. На конференции по разоружению 11 декабря 1932 г. Англия, Франция, Италия и США признали за Германией равные права в деле развития вооруженных сил. Подобные уступки Германии вызвали заметное беспокойство французского руководства, которое начало искать возможности сближения с СССР. Заключение договоров о ненападении СССР с Финляндией, Эстонией, Латвией и Польшей в 1932 г. обезопасило его северо-западные границы от возможного антисоветского союза этих стран и позволило заключить 29 ноября 1932 г. советско-французский договор о ненападении. Используя выдвинутую Францией в конце 1920-х гг. идею общеевропейского союза, Англия и Италия предложили проект договора великих держав Европы, который был подписан 15 июля 1933 г., но так и не вступил в силу. Не добившись удовлетворения своих требований о довооружении, Германия покинула конференцию по разоружению и 14 октября 1933 г. заявила о выходе из Лиги Наций. Это подтолкнуло Францию продолжить сближение с СССР и привело к началу переговоров о Восточном пакте.

В итоге событий начала 1930-х гг. на Дальнем Востоке и в Европе система международных отношений дала первые трещины. Япония, используя разобщенность СССР и Запада и соперничество великих держав на Дальнем Востоке, начала насильственную ревизию Версальско-Вашингтонской системы. Однако, оказавшись перед выбором направления дальнейшей экспансии, решила не доводить дело до войны с СССР и вести осторожную политику в Китае, пытаясь расширить зону своего влияния мирными средствами и создать в Маньчжурии военно-экономическую базу для будущего. Германия смогла с согласия остальных великих держав ревизовать репарационные установления и военные ограничения Версальского договора и обеспечила себе более широкое пространство для маневра между великими державами. Англия продолжала политику консолидации Европы, что вело к новым уступкам Германии. США старались использовать создавшуюся ситуацию для осложнения положения Англии и пошли на дипломатическое признание СССР, рассчитывая использовать его в качестве противовеса Японии. Опасавшаяся за свою безопасность Франция выступила за создание европей-

ской системы коллективной безопасности с привлечением СССР. Советский Союз, на дальневосточных границах которого возник очаг военной напряженности, для обеспечения прочного тыла в Европе стал налаживать контакты со своими западными соседями, Францией и США, заявив о поддержке политики коллективной безопасности. Италия стремилась усилить свое влияние в Центральной Европе (Австрия, Венгрия) и Восточном Средиземноморье.

Второй внутренний кризис Версальско-Вашингтонской системы, обозначивший ее крушение, разразился в **1935–1938 гг.**⁵⁰ в Европе и на Дальнем Востоке. Заявление Германии о выходе из Лиги Наций привело по инициативе Англии к оживленным переговорам об условиях ее возвращения в эту организацию. Английское руководство пыталось найти компромисс между требованиями Германии и интересами Франции, которая в условиях усиления угрозы ее безопасности продолжала добиваться заключения Восточного пакта. Это соглашение, зародившееся в условиях германо-польского сближения, ухудшения советско-германских отношений и развития франко-советских контактов, по разным причинам не устраивало Англию, Германию, Италию и Польшу, что сделало его заключение невозможным и стимулировало выработку советско-французского договора о взаимопомощи. Итогом переговоров о Восточном пакте стало вступление СССР по инициативе Франции в Лигу Наций в сентябре 1934 г. Одновременно в условиях угрозы независимости Австрии летом 1934 г. началось франко-итальянское сближение, завершившееся 7 января 1935 г. соглашением о содействии итальянского руководства в деле противодействия нарушению Германией версальских военных и территориальных ограничений в обмен на признание интересов Италии в Эфиопии.

1 марта 1935 г. Саар по итогам плебисцита был передан под юрисдикцию Германии, расширив ее экономическую базу. 3 февраля Англия и Франция предложили Германии переговоры о вооружениях и о пакте о взаимопомощи в Восточной Европе. В ответ Германия согласилась на двусторонние переговоры, чем тут же воспользовалась Англия. 4 марта в Англии была опубликована «Белая книга» о вооруженных силах, а во Франции 15 марта были увеличены сроки службы в армии, что дало Германии повод объявить об отказе от военных огра-

⁵⁰ История войны на Тихом океане. Т. 2. С. 7—295; *Трухановский В.Г.* Новейшая история Англии. С. 236—294; *Ротштейн Э.* Мюнхенский стовор. Пер. с англ. М., 1959; *Овчинников Р.С.* За кулисами политики «невмешательства». Испанский вопрос в политике империалистов Англии, Франции и США накануне второй мировой войны. М., 1959; *Табун Ж.* 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960. С. 278—461; *Ушаков В.Б.* Внешняя политика гитлеровской Германии. М., 1961. С. 3—155; *Севостьянов Г.Н.* Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны. М., 1961. С. 19—395; *Кульбакин В.Д.* Указ. соч. С. 367—383; *Трухановский В.Г.* Указ. соч. С. 241—352; *Фомин В.Т.* Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933—1939. С. 82—472; *Розанов Г.Л.* Германия под властью фашизма. С. 226—446; *Кутаков Л.Н.* Указ. соч. С. 102—157; *Борисов Ю.В.* Указ. соч. С. 112—117, 131—135; *Смирнова Н.Д.* Балканская политика фашистской Италии. 1936—1941 гг. М., 1969. С. 3—174; *Германская история в новое и новейшее время.* Т. 2. С. 205—211, 217—226; *История Италии.* Т. 3. С. 111—124, 130—143; *История Франции.* Т. 3. С. 150—206; *История второй мировой войны.* Т. 1. С. 291—298; Т. 2. С. 11—112; *Международные отношения на Дальнем Востоке.* Т. 2. С. 110—141; *Белоусова З.С.* Указ. соч. С. 189—361; *Лан В.И.* Указ. соч. С. 446—474; *Савинова О.В.* Проблема аншлюса Австрии во франко-итальянских отношениях (1933—1935 гг.) // *Проблемы итальянской истории.* 1978. М., 1978. С. 56—80; *Крал В.* План Зет. Пер. с чеш. М., 1978; *Смирнова Н.Д.* Политика Италии на Балканах. 1922—1935 гг. С. 239—298; *Европа в международных отношениях 1917—1939 гг.* С. 206—321, 346—373; *Крал В.* Дни, которые потрясли Чехословакию. Пер. с чеш. М., 1980; *Савинов А.В.* О некоторых аспектах британской политики в период Средиземноморского кризиса 1935 г. // *Проблемы британской истории.* М., 1980. С. 197—204; *Савинов А.В.* Англо-итальянские отношения в период Средиземноморского кризиса 1935—1936 гг. // *Проблемы итальянской истории.* 1982. М., 1983. С. 100—127; *Михайленко В.И.* На пути к формированию фашистской оси Рим — Берлин. (По материалам итальянского Центрального государственного архива) // *Проблемы итальянской истории.* 1982. М., 1983. С. 80—99; *История США.* Т. 3. С. 283—316; *Мюнхен — преддверие войны.* М., 1988; *Земцов В.Н.* К вопросу о причинах и характере английской политики умиротворения в 30-е гг. // *Европа в системе международных отношений (1917—1945 гг.)* Свердловск, 1990. С. 116—136; *Наджафов Д.Г.* Нейтралитет США. 1935—1941 гг. М., 1990; *Уткин А.И.* Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск, 1990. С. 4—80; *Катулицев В., Коц И.* Инцидент // *Родина.* 1991. № 6—7. С. 12—18; *Европа между миром и войной 1918—1939; Советская внешняя политика 1917—1945: Поиски новых подходов.* С. 131—155, 251—268; *Севостьянов Г.Н.* Европейский кризис и позиция США. 1938—1939. М., 1992. С. 5—176; *Поцхверия Б.М.* Указ. соч. С. 115—171, 223—227; *Иванов А.Г.* Указ. соч. С. 37—150; *Клейменова Н.Е., Сидоров А.Ю.* Указ. соч. С. 133—144; *Егорова Н.И.* Изоляционизм и европейская политика США. 1931—1941 гг. М., 1995; *Хибберт К.* Указ. соч. С. 85—132; *Кризис и война.* С. 47—88, 113—135; *Прокопьев В.П.* Указ. соч. С. 383—439; *Лузягин С.Г.* Дипломатическая история событий на Халхин-Голе. 1932—1939 гг. // *Новая и новейшая история.* 2001. № 2. С. 41—51; *Малай В.В.* Гражданская война в Испании 1936—1939 годов и Европа: международные аспекты конфликта. М., 2011.

ничений Версальского договора. 10 марта в Берлине было официально объявлено о создании ВВС, а 16 марта – о введении всеобщей воинской повинности. 18 марта Германия предложила гарантировать все свои границы, что было успешно использовано ею в пропаганде. 25–26 марта состоялись англо-германские, а 28–29 марта англо-советские переговоры, в ходе которых стороны обменялись мнениями соответственно о германских вооружениях и об отношении СССР к событиям в Европе.

Отказ Германии от выполнения военных ограничений Версальского договора привел к созданию англо-франко-итальянского «фронта Стрезы» 11–14 апреля. 2 мая Франция пошла на подписание с СССР договора о взаимопомощи, который, однако, не был дополнен военной конвенцией, что ограничивало его значение. Незавершенность процесса создания франко-советского союза отражала необходимость для Франции сохранить своих союзников в Восточной Европе, которые были, как правило, настроены против возможного союза с СССР. Кроме того, Франция опасалась быть обвиненной в расколе Европы на военно-политические блоки и продолжала диалог с Германией в надежде на урегулирование. 16 мая был подписан советско-чехословацкий договор о взаимопомощи. В ответ на заключение советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи Германия 21 мая потребовала пересмотра статуса Рейнской области. Создание «фронта Стрезы» не помешало Англии продолжить переговоры с Германией о военно-морских вооружениях. Заключение 18 июня англо-германского соглашения явилось двусторонним нарушением Версальского договора, нанесло удар по «фронту Стрезы», облегчив Германии игру на противоречиях великих европейских держав, ухудшило англо-французские отношения и стимулировало экспансионистские претензии Италии в Эфиопии. 19 июня было подписано франко-итальянское военное соглашение об использовании войск сторон в Австрии и на Рейне. Англия, заинтересованная в сохранении нормальных отношений с Италией, 23 июня в ходе англо-итальянских переговоров об урегулировании эфиопской проблемы на основе обмена территориями молчаливо согласилась на любые действия Италии в Африке.

Нападение Италии 3 октября на Эфиопию и обсуждение этого вопроса в Лиге Наций в условиях предвыборной кампании в Англии привело к установлению с 18 ноября 1935 г. экономических санкций против Италии. В угоду общественному мнению Англия сосредоточила в Средиземном море Флот метрополии, не прекращая секретных поисков путей удовлетворения Италии в Африке. Столкновение с Италией или ее поражение не было целью Англии, потому что могло подорвать стабильность фашистского режима и усилить опасность создания «красной Италии». Франция отказалась поддержать военно-морскую демонстрацию Англии в Средиземном море и тайно нарушала экономические санкции. В санкциях не участвовали Германия, США, Япония, Австрия, Венгрия, Албания и ряд других стран, расширивших свое присутствие на итальянском рынке. Кризис в отношениях Италии с Англией и Францией был использован Германией для нормализации отношений с Римом. Стремление создать в Европе мощный противовес Англии, чтобы затруднить ей проведение политики экономического соперничества, определило внешнеполитическую стратегию США, которые использовали эскалацию напряженности вокруг Эфиопии для принятия закона о нейтралитете 1935 г., затруднявшего сотрудничество с другими странами в деле отпора агрессии, но не затрагивавшего экономические аспекты отношений.

В условиях охлаждения отношений между Англией, Францией и Италией Германия готовила ремилитаризацию Рейнской области, используя в качестве предлога предстоящую ратификацию советско-французского договора о взаимопомощи. Англия, Франция и США располагали сведениями о намерениях Берлина, но по разным причинам решили не противодействовать им. Англия надеялась усилить влияние на внешнюю политику Франции в условиях возрастания германской угрозы. Французское руководство, рассчитывая на поддержку Англии и Италии, не предприняло никаких самостоятельных действий, хотя согласно Локарнскому

договору имело на это право. США были заинтересованы в осложнении положения Англии в Европе. Поэтому, когда 7 марта 1936 г. германские войска вступили в Рейнскую область, они не встретили отпора со стороны Франции. Лига Наций констатировала нарушение Германией Версальского и Локарнского договоров, что дало Франции формальный повод требовать помощи от Англии и Италии. Однако Италия отказалась от содействия до снятия наложенных на нее экономических санкций и признания оккупации Эфиопии, а Англия сослалась на отсутствие угрозы французской территории. Германская авантюра удалась, и Берлин тут же предложил заменить Локарнские договоры новыми соглашениями о ненападении, втянув Англию и Францию в бесперспективные переговоры. В результате бездействия Франции ее позиция в Европе и системе союзов был нанесен сильнейший удар, усиливший тенденцию «умиротворения» во французской политике.

Стремление Англии сблизиться с Турцией, которую предполагалось использовать в качестве противовеса Италии, привело к тому, что Лондон поддержал стремление Москвы и Анкары пересмотреть решения Лозаннской конференции о режиме Черноморских проливов. Италия отказалась от участия в конференции до снятия с нее экономических санкций, но и после их отмены позиция Рима осталась неизменной. В ходе конференции в Монтрё (22 июня – 21 июля 1936 г.) Англия и Франция согласились на изменение режима Черноморских проливов с учетом интересов СССР. Начало франкистского мятежа в Испании 18 июля способствовало отвлечению внимания Англии и Франции от центральноевропейских проблем. Германия и Италия почти сразу же поддержали Франко, демонстрируя всему миру свою антикоммунистическую позицию, за которой скрывалось стремление усилить влияние в Испании и западном Средиземноморье. Позиция невмешательства, занятая Англией, Францией и США, как нельзя лучше соответствовала решению этой задачи. Несмотря на осложнение положения на Средиземном море, английское руководство сочло необходимым, прикрываясь пацифистской риторикой, проводить политику «невмешательства», то есть фактически поддержать Франко, в котором видели гарантию от «красной опасности», особенно в условиях расширения советского вмешательства в войну. Под нажимом Англии Франция также согласилась проводить политику невмешательства. Французское руководство не решалось на дальнейшее сближение с СССР, опасаясь ухудшения отношений с Англией и Германией и распада своих союзов в Восточной Европе, которые имели и антисоветскую направленность. Столь нерешительная политика Франции привела к отходу от нее ее прежних союзников. Применение США закона о нейтралитете в период гражданской войны в Испании было прямой поддержкой мятежников и интервентов и способствовало усилению Германии и формированию германо-итальянского союза, который рассматривался в США в качестве противовеса Англии и Франции.

Изменение ситуации в Европе стимулировало сближение Германии, Италии и Японии. Оккупация Эфиопии и прочие африканские проблемы заставляли Италию искать противовес Англии и Франции. На основе помощи Франко Италия все сильнее сближается с Германией, и 26 октября 1936 г. возникает «Ось Берлин – Рим». Вступление СССР в Лигу Наций, подписание советско-французского и советско-чехословацкого договоров в мае 1935 г. и поддержка Москвой Монгольской народной республики (МНР) требовали от Японии поисков антисоветских союзников в Европе, поэтому в Токио благосклонно восприняли начавшиеся с мая 1935 г. германские зондажи. Осенью 1935 г. и весной 1936 г. на монголо-маньчжурской границе произошли новые столкновения, что вынудило СССР открыто заявить о своем союзе с МНР. Это, в свою очередь, ускорило заключение Германией и Японией Антикоминтерновского пакта 25 ноября 1936 г., которое было подкреплено новым столкновением на маньчжуро-советской границе у озера Ханка 26–27 ноября. Тем самым Япония наглядно продемонстрировала всему миру антикоммунистическую подоплеку своих действий. 2 декабря 1936 г. был заключен итало-японский договор, а 6 ноября 1937 г. Италия присоединилась к Антикоминтерновскому пакту и 11 декабря заявила о выходе из Лиги Наций. В рамках германо-австрийского соглаше-

ния 11 июля 1936 г. была обеспечена возможность германского влияния на эту страну. Пообещав Бельгии гарантию ее независимости и территориальной неприкосновенности, Германия добилась ее отказа от Локарнских договоренностей и провозглашения 14 октября 1936 г. нейтралитета.

Учитывая занятость Англии и Франции испанскими событиями, сотрудничество с Германией и Италией и не опасаясь вмешательства США, Япония решила перейти к активным действиям на континенте. Советско-маньчжурский инцидент на Амуре 29–30 июня 1937 г. дал Японии возможность продемонстрировать Западу неизменность своего антикоммунистического курса, а 7 июля Япония начала войну в Китае. Предложение Англии 12 июля предпринять совместный демарш в Токио и Нанкине не было поддержано США, которые, рассчитывая на обострение англо-японских отношений, 16 июля заявили, что не исключают возможность пересмотра итогов Вашингтонской конференции. Соперничество Англии и США на Дальнем Востоке успешно использовалось японским руководством. Заключение 21 августа советско-китайского договора о ненападении ухудшило японо-советские отношения, но стороны лишь усилили пропагандистскую войну в прессе. В сентябре 1937 г. КПК и ГМД создали единый фронт, а Англия и США признали морскую блокаду китайского побережья Японией. Предложение Англии в октябре 1937 г. обсудить вопрос о бойкоте Японии не встретило поддержки США.

В создавшейся ситуации Лига Наций вновь продемонстрировала свою неэффективность. Поскольку великие державы в условиях начавшегося кризиса старались не портить отношений с Японией, поглощавшей значительную часть их экспорта, конференция стран-участниц договора 9-ти держав в Брюсселе в ноябре 1937 г. в силу общего нежелания вмешиваться в японо-китайский конфликт закончилась безрезультатно, обозначив крах Вашингтонской системы. Американское руководство, зная слабость японской экономики, совершенно не опасалось каких-либо антиамериканских военных акций с ее стороны. Англия и США больше были озабочены своими переговорами с Германией, а Япония успешно использовала жупел советской угрозы. Даже нападение японских войск на английские и американские суда вызвало со стороны Англии и США лишь дипломатические протесты. Правда, США с января 1938 г. расширили свою военно-морскую программу, но англо-американские переговоры декабря 1937 – января 1938 г. о взаимодействии против Японии были прерваны, поскольку каждая сторона стремилась взвалить на партнера основное бремя действий. Отказ Японии выполнить требование совместной англо-франко-американской ноты от 5 февраля 1938 г. – прекратить начатое с 1935 г. строительство военно-морских баз на подмандатных островах, выходящее за рамки Вашингтонских соглашений, также не привел к каким-либо санкциям.

С весны 1938 г. Англия и Франция были связаны развитием событий вокруг Австрии и Чехословакии, но Япония, испытывавшая финансовый и экономический кризис, решила продемонстрировать свои хорошие отношения с Англией и США. В мае 1938 г. Англия передала Японии контроль над китайскими таможнями на оккупированной территории, а в июле начались секретные англо-японские переговоры, вызвавшие озабоченность США и обострившие англо-американские отношения. В условиях роста общественного недовольства попустительством японской агрессии и симпатий к СССР, снабжавшего Китай оружием, США были вынуждены 16 июня 1938 г. ввести «моральное эмбарго» на поставки авиационной техники в Японию, что не имело каких-либо серьезных последствий. Наступление японских войск в долине реки Янцзы потребовало от СССР определенных действий для отвлечения внимания Токио. Спровоцированный советской стороной конфликт у озера Хасан вызвал падение курса ценных бумаг на токийской бирже и позволил сторонам продемонстрировать свою непримиримость. 3 ноября 1938 г. Япония заявила о планах создания «Великой Восточной Азии». Это привело к началу англо-американских военно-морских переговоров о взаимодействии на Тихом океане, которые, правда, окончились безрезультатно. В декабре 1938 г. Англия и США

предоставили Китаю займы, чтобы удержать его от капитуляции, поскольку затяжка войны сковывала Японию и была выгодна Англии, Франции, США и СССР. Захваты Японии в феврале 1939 г. в южном Китае вызвали протесты Англии, Франции и США, но предложение Вашингтона подкрепить эти протесты посылкой ВМС встретило возражение Англии.

Усиление германской экономики и начавшийся в 1937 г. новый спад производства в мире способствовали тому, что Германия все явственнее стала требовать ревизии территориальных решений Версаля. Именно с 1937 г. во внешней политике Англии на первый план выходит идея «умиротворения» Германии за счет Восточной Европы и СССР. Удовлетворение экспансионистских претензий Германии должно было, по мнению английского руководства, привести к новому «пакту четырех». Сепаратные переговоры США и Англии с Германией в ноябре 1937 г. показали германскому руководству, что ни Англия, ни США, ни Франция не станут вмешиваться в случае присоединения Австрии, Судет и Данцига, если эти изменения не приведут к войне в Европе. С осени 1937 г. германское давление на Австрию нарастает. Во время англо-французских переговоров 29–30 ноября стороны договорились, что их интересы в Восточной Европе не имеют принципиального характера и не требуют проведения антигерманских акций. Попытки Австрии найти поддержку в Англии и Франции оказались тщетными, и 12–13 марта 1938 г. она была аннексирована Германией, которая значительно улучшила свое стратегическое положение в центре Европы. 17 марта СССР предложил созвать конференцию по борьбе с агрессией, но Англия, опасаясь раскола Европы на военно-политические блоки, высказалась против этой идеи.

Обострение ситуации вокруг Чехословакии в апреле – мае 1938 г. продемонстрировало нежелание Англии и Франции вмешиваться в дела Восточной Европы. Предложения СССР о проведении военных переговоров с Францией и Чехословакией от 27 апреля и 13 мая не были приняты, поскольку было бы «несчастьем, если бы Чехословакия спаслась благодаря советской помощи»⁵¹. Англия пыталась возродить «фронт Стрезы» и 16 апреля признала захват Италией Эфиопии в обмен на сохранение статус-кво на Средиземном море, но расколоть германо-итальянскую ось не удалось. Майский кризис 1938 г. показал, что политика невмешательства чревата утратой англо-французского влияния на развитие событий, поэтому в разгар кризиса оба правительства 21 мая заявили о вмешательстве в случае германской агрессии, что вынудило Германию отступить. Однако вместо помощи Чехословакии Англия и Франция усилили нажим на нее в пользу передачи Германии стратегически важных приграничных районов. Английское руководство опасалось, что неуступчивость в Судетском вопросе может привести к германо-американскому сближению, а то и к краху нацистского режима, что не отвечало интересам Англии. США со своей стороны через своего посла в Лондоне 20 июля наметнули Берлину, что в случае сотрудничества между США и Германией Вашингтон поддержал бы германские требования к Англии или сделал бы все для удовлетворения германских требований к Чехословакии. Италия в ходе Чехословацкого кризиса старалась отвлечь Германию от Средиземноморских проблем и устранить оплот французского влияния в Центральной Европе.

Летом 1938 г. английское руководство стремилось найти новый компромисс великих держав Европы. Но вместо нажима на Германию Англия и Франция продолжали требовать от Чехословакии уступок во имя сохранения мира в Европе, поскольку война могла способствовать ее большевизации. Таким образом, Чехословакия стала разменной картой в политике умиротворения Германии и базой нового компромисса. Английское руководство исходило из того, что слабая Германия не хочет, а сильная Франция не может пойти на закрепление британской гегемонии. Поэтому было необходимо усилить Германию, ослабить Францию, а заодно изолировать СССР, который 21 сентября вновь предложил провести конференцию для выработки мер против агрессии. В итоге 29–30 сентября 1938 г. в ходе Мюнхенской конференции

⁵¹ Цит. по: *Фалин В.М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 49.

Англия и Франция передали Германии Судеты в обмен на декларации о ненападении. Англия рассматривала Мюнхенское соглашение как фундаментальную основу для дальнейшего англо-германского компромисса по всем кардинальным проблемам. 24 ноября Лондон предложил Берлину полную свободу действий против СССР.

Эскалация кризиса и умиротворенческая позиция Англии и Франции позволили Италии сыграть роль миротворца на Мюнхенской конференции и, играя на противоречиях великих держав, к началу 1939 г. существенно повысить свою роль в европейских делах. Вместе с тем итальянское руководство было вынужденно отказаться от своих устремлений в Центральной Европе в пользу Германии. В результате Мюнхенского соглашения система военных союзов Франции фактически распалась. 19 ноября Франция признала итальянский суверенитет над Эфиопией, а 6 декабря была подписана франко-германская декларация о ненападении и консультации. Это был апогей политики умиротворения, нанесшей колоссальный удар не только по влиянию Англии и Франции в Европе, но и по всей Версальской системе международных отношений, которая практически прекратила свое существование.

Кризис и крах Версальско-Вашингтонской системы в течение 1930-х гг. не могли не привести к очередному столкновению между великими державами. В этом смысле можно говорить о том, что Вторая мировая война была закономерным явлением в период смены систем международных отношений и вряд ли могла бы быть предотвращена, поскольку экономические изменения в мире вели к изменению баланса сил великих держав, а достижение нового соглашения о статус-кво затруднялось сложностью определения нового соотношения сил. Великие державы по инерции продолжали строить свою политику, исходя из привычных оценок и стремясь максимально использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах. США, Германия и СССР стремились к полному переустройству системы международных отношений, тогда как Англия и Франция были согласны лишь на ее частичную модернизацию, а Италия и Япония занимали промежуточную позицию, стремясь с максимальной выгодой использовать нарастающий кризис. Откладывание всеобъемлющего урегулирования вело к аккумуляции проблем и создавало еще более взрывоопасную ситуацию. Ее результатом стало возникновение Второй мировой войны, которая представляла собой совокупность войн великих держав между собой и другими странами за расширение своего влияния и пересмотр границ, сложившихся в 1919–1922 гг., и, как и предыдущие конфликты великих держав, носила империалистический характер, дополняемый освободительной борьбой оккупированных стран и территорий.

Политический кризис 1939 г

Развитие международной ситуации в Европе в конце 1930-х годов неумолимо вело к новому вооруженному столкновению между великими державами. К концу 1938 г. Версальская система в Европе практически прекратила свое существование, а Мюнхенское соглашение значительно усилило Германию. В этих условиях германское руководство поставило перед собой новую внешнеполитическую цель – достичь гегемонии в Европе, закрепив за собой роль великой мировой державы. В результате захватнических действий Германии и Италии в марте – апреле 1939 г. в Европе начался предвоенный политический кризис – период непосредственной расстановки военно-политических сил в предвидении вероятной войны.

События 1939 г. уже свыше 75 лет остаются в центре внимания мировой и отечественной историографии. В зарубежной историографии эти события стали объектом всестороннего анализа и послужили основой для формирования различных историографических концепций. В отечественной исторической науке до второй половины 1980-х годов господствовала сложившаяся еще в 1939–1941 гг. и окончательно закреплённая в «исторической справке» 1948 г. «Фальсификаторы истории» официальная точка зрения⁵². После того как в конце 1980-х годов принципиальные аспекты проблем истории предвоенного политического кризиса в Европе стали предметом бурной дискуссии, это принудительное единомыслие распалось, и в отечественной историографии возникла естественная ситуация спора точек зрения, что позволяет более объективно исследовать прошлое. Значительное количество трудов, посвященных событиям 1939 г., позволяет дать их обобщенную картину и выделить основные тенденции развития международных отношений.

Хотя Мюнхенское соглашение создало новую политическую обстановку в Европе, оно рассматривалось всеми великими державами как очередной этап их взаимоотношений. Ситуация осени 1938 – лета 1939 годов в Европе представляла собой запутанный клубок дипломатической деятельности великих держав, каждая из которых стремилась к достижению собственных целей.

Как только завершилась реализация Мюнхенского соглашения, Германия 24 октября 1938 г. предложила Польше урегулировать проблемы Данцига и «польского коридора» на основе сотрудничества в рамках Антикоминтерновского пакта. Тем самым Германия решила бы для себя задачу тылового прикрытия с Востока (в том числе и от СССР) в предвидении окончательной оккупации Чехо-Словакии, ревизовала бы германо-польскую границу, установленную в 1919 г., и значительно упрочила бы свои позиции в Восточной Европе. Тем временем Польша, продолжая свою традиционную политику балансирования между Берлином и Москвой, 21–22 октября начала зондаж СССР на предмет нормализации советско-польских отношений, обострившихся в период Чехословацкого кризиса летом 1938 г. 4 ноября Москва предложила подписать коммюнике о нормализации отношений, которое после консультаций и было подписано 27 ноября. На следующий день Польша уведомила Германию, что эта декларация распространяется лишь на двусторонние советско-польские отношения и не направлена на привлечение СССР к решению европейских проблем. Польское руководство опасалось, что слишком тесное сближение с Германией может привести к утрате независимости, поэтому, несмотря на неоднократные обсуждения германских предложений в октябре 1938 – январе 1939 г., Берлин так и не получил желаемого ответа⁵³.

⁵² Фальсификаторы истории. Историческая справка. М., 1948. С. 36–67.

⁵³ Год кризиса, 1938–1939. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 75–77, 79–80, 85–86, 93–94, 117, 118; *Фомин В.Т.* Агрессия фашистской Германии в Европе 1933–1939. М., 1963. С. 560–566; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001. С. 364–365; *Случ С.З.* Польша в политике Третьего рейха накануне Второй мировой войны // Россия –

Хотя при определенных условиях не исключалось создание германо-польско-японского военного союза с антисоветской направленностью, позиция Польши осложнялась наличием германо-польских проблем. Кроме того, сама Германия пока не ставила своей целью войну с СССР, а, готовясь к захвату Чехо-Словакии, была заинтересована в нейтрализации Польши и невмешательстве Англии и Франции, для воздействия на которые вновь использовалась анти-советская риторика. Не случайно Берлин санкционировал шумиху в прессе относительно планов создания «Великой Украины» под германским протекторатом, что было с пониманием встречено в Лондоне и Париже. Этой же цели способствовала франко-германская декларация от 6 декабря 1938 г. и предпринятые в январе 1939 г. новые попытки добиться положительного ответа Варшавы на германские предложения. Польское руководство было согласно на определенные уступки в вопросе о Данциге лишь в обмен на ответные шаги Германии. Неуступчивость Польши привела к тому, что германское руководство стало склоняться к мысли о необходимости военного решения польской проблемы в определенных условиях⁵⁴.

Англия и Франция надеялись закрепить и продолжить процесс контролируемых ими изменений на континенте, чтобы на этой основе консолидировать европейские великие державы. Англо-германские и франко-германские отношения были несколько омрачены ноябрьскими еврейскими погромами в Германии и появившимися в январе 1939 г. слухами о подготовке германского удара по Нидерландам. Все это вынуждало Англию и Францию координировать свою политику, ускорить модернизацию своих вооруженных сил, поддерживать контакты с СССР и одновременно добиваться всеобъемлющего соглашения с Германией в духе Мюнхена. Как показали секретные экономические англо-германские переговоры в октябре 1938 – марте 1939 г., перспектива широкого экономического соглашения двух стран была вполне реальной. Особенно наглядно это проявилось в ходе экономических переговоров в Дюссельдорфе 15–16 марта 1939 г., окончившихся подписанием картельного соглашения представителями промышленности обеих стран. С октября 1938 г. Франция также активизировала процесс сближения с Германией, что было поддержано Англией. В принципе Лондон и Париж не исключали признания Восточной Европы зоной германского влияния при условии устранения для себя германской угрозы и прекращения односторонних экспансионистских действий Берлина. По мнению английского руководства, это открывало перспективу для дальнейшего движения к всеобъемлющему соглашению Англии, Франции, Германии и Италии⁵⁵.

11–14 января 1939 г. в Риме состоялись англо-итальянские переговоры, в ходе которых обсуждался вопрос о посредничестве Италии в англо-германских отношениях. Б. Муссолини легко обещал свое содействие, хотя был удивлен столь очевидным заблуждением английского руководства. 2 февраля Франция предложила Италии секретные переговоры по колониальным проблемам, что открывало возможность для нормализации франко-итальянских отношений и могло бы привести к некоторому охлаждению итало-германских связей. Одновременно в Берлине Франция зондировала возможность германского содействия улучшению франко-итальянских отношений. Германию это совершенно не устраивало, и информация о франко-итальянских контактах просочилась в прессу, что привело к их срыву⁵⁶.

Рассчитывая стать лидирующей силой на континенте, Германия добивалась признания за собой статуса мировой державы со стороны Англии и Франции, что было невозможно без демонстрации силы или даже нанесения поражения этим странам. К марту 1939 г. германскому руководству стало очевидно, что, хотя влияние Германии в Восточной Европе значительно возросло, оно все еще не стало решающим. Достижение этой цели требовало новых политиче-

Польша – Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. М., 2002. С. 324.

⁵⁴ Год кризиса. Т. 1. С. 130–137, 163–164, 168–177, 194–196.

⁵⁵ Там же. С. 207–209, 276–278.

⁵⁶ Там же. С. 211; *Мосли Л.* Утраченное время. Как начиналась вторая мировая война. Пер. с англ. М., 1972. С. 156–160.

ских действий. Окончательное устранение Чехо-Словакии позволяло Германии продемонстрировать свою силу восточным соседям, сделав их более сговорчивыми, и значительно снизить опасность антигерманского союза в Восточной Европе. По мнению Берлина, решение чехословацкого вопроса привело бы к нейтрализации Польши, экономическому подчинению Венгрии, Румынии и Югославии. Возвращение Мемеля (Клайпеды) привело бы к контролю Германии над Литвой и усилению германского влияния в Прибалтике. Тем самым был бы обеспечен тыл для войны на Западе, которая рассматривалась в Берлине как первый этап в деле обеспечения германской гегемонии в Европе. Лишь после решения этой задачи Германия могла позволить себе антисоветский поход⁵⁷.

Исходя из этих общих соображений и продолжая политику балансирования между Западом и Востоком, германское руководство с осени 1938 г. стало постепенно добиваться нормализации отношений с СССР. 19 декабря 1938 г. без всяких проволочек был продлен на 1939 г. советско-германский торговый договор. 22 декабря Берлин предложил СССР возобновить переговоры о 200 млн кредите, намекнув на необходимость общей нормализации отношений. Опасаясь германо-польского сближения в результате визита министра иностранных дел Польши Ю. Бека в Германию 5–6 января 1939 г., советская сторона 11 января согласилась начать экономические переговоры. Со своей стороны, стремясь подтолкнуть Варшаву к соглашению, А. Гитлер 12 января несколько минут побеседовал на дипломатическом приеме с советским полпредом, что стало сенсацией в дипломатических кругах. Тем самым Германия пыталась намеками на возможность дальнейшего развития контактов с Советским Союзом вынудить Англию, Францию и Польшу к уступкам. Вновь не добившись ясного ответа от Польши на свои предложения, Германия санкционировала передачу Закарпатья Венгрии, что вызвало недовольство Польши, но успокоило СССР, опасавшегося, что эта территория станет зародышем «Великой Украины»⁵⁸.

Подписав соглашение с Англией о поставках угля, Германия 20 января уведомила Советский Союз о том, что в Москву 30 января прибудет германский представитель для ведения экономических переговоров. Стремясь поднять значение СССР в Европе, советская сторона 27 января инициировала проникновение сведений об этом в английскую печать. Опасаясь ухудшения отношений с Англией и Польшей, Германия 28 января заявила о переносе срока переговоров. Естественно, Москва осталась недовольна тем, что Германия оглядывается на Англию и Францию, поскольку это подтверждало возможность возрождения «Пакта четырех». Правда, переговоры окончательно прерваны не были, и вяло продолжались в последующие месяцы. Политическая ситуация продолжала меняться. 2 января 1939 г. Польша установила консульские отношения с Маньчжоу-Го, а 12 января Венгрия заявила о готовности вступить в Антикоминтерновский пакт. В качестве контрдействия Москва 2 февраля разорвала дипломатические отношения с Будапештом, а 19 февраля был подписан советско-польский торговый договор. 24 февраля Маньчжоу-Го и Венгрия присоединились к Антикоминтерновскому пакту, 27 февраля правительство Ф. Франко в Испании было признано де-юре Англией и Францией⁵⁹.

Уточнение тактики советской дипломатии, начавшееся с осени 1938 г., нашло свое выражение на страницах журнала «Большевик», где была опубликована статья В. Гальянова «Международная обстановка второй империалистической войны». Под этим псевдонимом скрывался заместитель наркома иностранных дел СССР В.П. Потемкин. Статья дает общее представление о внешнеполитической доктрине Советского Союза, которая исходила из того,

⁵⁷ Год кризиса. Т. 1. С. 253–254, 272–274.

⁵⁸ Там же. С. 167–168, 184–186; *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939: Пер. с нем. М., 1990. С. 75–85, 93–95; *Безыменский Л.А.* Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 3–26; *Слущ С.З.* Указ. соч. С. 325.

⁵⁹ Год кризиса. Т. 1. С. 191–192, 200–201, 210; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 85–89; *Фомин В.Т.* Указ. соч. С. 571–575; *Слущ С.З.* Указ. соч. С. 326.

что Вторая мировая война уже началась, поскольку во второй половине 1930-х гг. был принят ряд военных акций, изменивших обстановку в мире. Эти события разделили главные капиталистические державы на агрессоров (Германия, Италия, Япония) и тех, кто попустительствует агрессии (Англия, Франция, США). Хотя это попустительство наносит ущерб интересам западных держав, оно является политикой, направленной на столкновение агрессоров и СССР, который представляет собой оплот революции и социального прогресса. Англия и Франция идут на уступки Германии и Италии, поскольку опасаются краха фашистских режимов, на смену которым может прийти большевизм.

Анализируя международную ситуацию, автор показывал слабость и конфликтность германо-итало-японского блока, экспансия которого идет по пути наименьшего сопротивления. Поэтому в первую очередь агрессоры угрожают интересам Англии, Франции и США, но не спешат портить отношения с СССР, хотя и ведут антисоветскую пропаганду. Германия будет и далее проводить политику шантажа и угроз, объектом которой на этот раз, скорее всего, станет Франция, сделавшая все, чтобы ослабить советско-французский договор 1935 г. Степень верности капиталистических стран своим обязательствам была продемонстрирована летом 1938 г., когда только СССР был готов оказать помощь Чехословакии. По мере нарастания кризиса капитализма происходит усиление СССР, на стороне которого находятся симпатии всего прогрессивного человечества. Дальнейшая перспектива событий рисовалась автору следующим образом. «Фронт второй империалистической войны все расширяется. В него втягиваются один народ за другим. Человечество идет к великим битвам, которые развяжут мировую революцию». «Конец этой второй войны ознаменуется окончательным разгромом старого, капиталистического мира», когда «между двумя жерновами – Советским Союзом, грозно поднявшимся во весь свой исполинский рост, и несокрушимой стеной революционной демократии, восставшей ему на помощь, – в пыль и прах обращены будут остатки капиталистической системы»⁶⁰.

Схожие идеи прозвучали в выступлении А.А. Жданова на ленинградской партийной конференции 3 марта 1939 г., в котором он, напомнив, что СССР является «державой самой сильной, самой независимой», заявил, что в силу этого фашизм – «это выражение мировой реакции, империалистической буржуазии, агрессивной буржуазии» – угрожает главным образом Англии и Франции. В этих условиях Англии очень хотелось бы, чтобы «Гитлер развязал войну с Советским Союзом», поэтому она старается столкнуть Германию и СССР, чтобы остаться в стороне, рассчитывая «чужими руками жар загребать, дожидаться положения, когда враги ослабнут, и забрать». По мнению Жданова, этот несложный маневр разгадан Москвой, которая будет «копить наши силы для того времени, когда расправимся с Гитлером и Муссолини, а заодно, безусловно, и с Чемберленом»⁶¹. Эти материалы важны тем, что они дополняют характеристику международной ситуации, данную И.В. Сталиным в Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии 10 марта 1939 г., в котором были сформулированы задачи советской внешней политики в условиях начала новой империалистической войны и стремления Англии, Франции и США направить германо-японскую агрессию против СССР. Советский Союз должен был «проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами; соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками; всемерно укреплять боевую мощь» своих вооруженных сил и «крепить международные связи дружбы с трудящимися всех стран, заинтересованными в мире и дружбе между народами», что позволяло и далее использовать пропаганду для поддержания имиджа «страны рабочих и крестьян». Из контекста речи становится

⁶⁰ Гальянов В. Международная обстановка второй империалистической войны // Большевик. 1939. № 4. С. 49–65.

⁶¹ Наджафов Д.Г. Начало второй мировой войны. О мотивах сталинского руководства при заключении пакта Молотова – Риббентропа // Война и политика, 1939–1941. М., 1999. С. 89–90.

ясно, что «поджигателями» войны являются страны, проводящие политику невмешательства: Англия, Франция и США⁶². В этих условиях целью советского руководства было использовать кризис и противоречия великих держав для дальнейшего усиления своего влияния в мире с перспективой окончательного решения вопроса о существовании капиталистического общества.

В середине марта 1939 г. США, СССР, Англия и Франция располагали сведениями о подготовке Германии к оккупации Чехо-Словакии, но державы-гаранты Мюнхенского соглашения не предусматривали никаких мер противодействия. Кроме того, формально мюнхенские гарантии чехо-словацких границ действиями Германии нарушены не были. 14 марта Словакия под давлением Германии провозгласила независимость, а президент Чехо-Словакии выехал в Берлин, где в ходе «переговоров» дал согласие на политическое переустройство своей страны. 15 марта германские войска вступили в Чехию, на территории которой был создан Протекторат Богемия и Моравия. Первоначально реакция Англии и Франции была довольно сдержанной, но по мере возбуждения общественного мнения Лондон и Париж ужесточили свою позицию и 18 марта, как и СССР, выразили протест действиями Германии, из Берлина были отозваны «для консультаций» английский и французский послы. США также не признали аннексии и заморозили чехословацкие активы в своих банках. То же формально сделала и Англия, но чехословацкое золото было тайно возвращено в Прагу⁶³.

Тем временем в ходе продолжавшихся германо-румынских экономических переговоров англофильские круги в Бухаресте решили прозондировать реакцию Англии на вероятность дальнейшего экономического проникновения Германии в Румынию. 17 марта румынский посланник в Лондоне уведомил Форин Оффис о том, что Германия готовится предъявить Румынии ультиматум, выполнение которого поставит ее экономику на службу рейху. Это сообщение подтолкнуло Англию к активизации своей политики в Восточной Европе, и 18 марта она запросила СССР о его действиях в случае германского удара по Румынии. Аналогичные запросы были посланы Польше, Греции, Югославии и Турции. В свою очередь, эти страны запросили Англию о ее намерениях, а СССР предложил созвать конференцию с участием СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции для обсуждения ситуации. 21 марта Англия выдвинула контрпредложение о подписании англо-франко-советско-польской декларации о консультациях в случае агрессии. В тот же день Германия вновь предложила Польше решить вопрос о передаче Данцига и «польском коридоре» в обмен на присоединение к Антикоминтерновскому пакту с перспективой антисоветских действий⁶⁴.

Обсуждение вопроса о предложенной Лондоном декларации выявило, что Польша и Румыния не хотят подписывать документ, если под ним будет стоять подпись советского представителя. В свою очередь, Москва, опасаясь толкнуть Варшаву в объятия Берлина, не собиралась подписывать этот документ без участия Польши⁶⁵. Англия столкнулась с проблемой, как обеспечить привлечение СССР к решению вопросов европейской политики, что ранее неизменно отвергалось ею, в условиях, когда многие страны, чье мнение Лондон старался учитывать, не одобряли заигрывания с Москвой. В итоге к концу марта вопрос о декларации отпал, а вышеуказанная проблема была вновь отложена на будущее. Столь же безрезультатно закончились и англо-советские экономические контакты 23–27 марта⁶⁶.

⁶² Год кризиса. Т. 1. С. 258–264.

⁶³ Там же. С. 272–274, 289–291; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 160–196; *Севостьянов Г.Н.* Европейский кризис и позиция США. 1938–1939. М., 1992. С. 177–178.

⁶⁴ Год кризиса. Т. 1. С. 288, 293–294, 295, 296–297, 308–310; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 201–212; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 109–112; *Иванов А.Г.* Агрессоры и умиротворители. Гитлер, Муссолини и британская дипломатия. М., 1993. С. 153–154.

⁶⁵ Документы внешней политики (далее – ДВП). Т. 22. М., 1992. В 2 кн. Кн. 1: 1 января – 31 августа 1939 г. С. 216.

⁶⁶ Год кризиса. Т. 1. С. 314–315, 317–319, 324–327, 335–337, 339; *Иванов А.Г.* Указ. соч. С. 158–160.

Тем временем 21–22 марта Англия и Франция договорились о начале 27 марта военных переговоров, в ходе которых было решено, что в случае войны Англия пошлет во Францию первоначально 2 дивизии, через 11 месяцев – еще 2 дивизии, а через 18 месяцев – 2 танковые дивизии. Основным способом военных действий западных союзников должна была стать оборона и экономическая блокада Германии. Действия ВВС ограничивались только военными объектами. Варианты помощи Польше даже не рассматривались. Считалось, что «судьба Польши будет определяться общими результатами войны, а последние, в свою очередь, будут зависеть от способности западных держав одержать победу над Германией в конечном счете, а не от того, смогут ли они ослабить давление Германии на Польшу в самом начале». Исходя из этих планов, Англия и Франция были заинтересованы в затягивании войны в Восточной Европе, что связало бы германскую инициативу и позволило бы им лучше подготовиться к войне⁶⁷.

Пока же в Восточной Европе Лондон и Париж попытались создать польско-румынский антигерманский союз. Однако Польша была не склонна участвовать в этом союзе, а стремилась получить поддержку в деле ограничения германской экспансии для дальнейшего лавирования между Берлином и Москвой. Поэтому Варшава отказалась и от антисоветской, и от антигерманской комбинаций, хотя и предложила Англии 23 марта соглашение о консультациях в случае угрозы агрессии. Английское руководство, преувеличивавшее мощь Польши, решило сделать ставку на нее как противовес Германии с Востока. 21–23 марта Германия под угрозой применения силы вынудила Литву передать ей Мемельскую (Клайпедскую) область. Все надежды Каунаса на поддержку Англии, Франции и Польши оказались напрасными. Польша не собиралась ухудшать отношений с Германией, хотя была бы не прочь в будущем еще продвинуть свои границы на запад, а Англия была озабочена слухами о скором германском ударе по Польше и возможном германо-польском сближении⁶⁸.

23 марта Англия попыталась через Италию добиться урегулирования на Востоке Европы, но это лишь раззадорило Рим в собственных экспансионистских намерениях. В тот же день было подписано германо-румынское экономическое соглашение, значительно укрепившее влияние Германии в этой стране, а Польша провела частичную мобилизацию. Пытаясь добиться согласия Польши на гарантию границ Румынии и сдержать германскую экспансию, Англия пошла на односторонние гарантии независимости Польши. Вопреки мнению Варшавы о сохранении их в тайне, 31 марта гарантии были опубликованы, но при этом Англия не отказалась от содействия германо-польскому урегулированию. Тем не менее Польша все же отказалась дать гарантии границ Румынии. 4–6 апреля в ходе англо-польских переговоров стороны дали друг другу взаимные гарантии, и Англия в определенной степени попала в зависимость от Польши в вопросе о вступлении в войну. Гарантии подтолкнули Германию продемонстрировать их никчемность, Польшу – к дальнейшей неуступчивости в отношении соседей, Советскому Союзу вновь продемонстрировали его «второсортность», а проблема поддержки Румынии не была решена. Вместе с тем английские гарантии могли стать для Москвы своеобразным заслоном от Германии, поддержанным Англией и Францией. 28 марта СССР заявил о своих интересах в Эстонии и Латвии⁶⁹.

Еще 25 марта Германия не намеревалась решать польский вопрос в ближайшее время, но после того, как 26 марта Польша окончательно отказалась принять германское предложение о территориальном урегулировании, а 28 марта заявила, что изменение статус-кво в Данциге будет рассматриваться как нападение на Польшу, чем сорвала осуществление там нацистского путча, перед германским руководством встал вопрос о подготовке войны с Польшей.

⁶⁷ Кимхе Д. Несостоявшаяся битва. Пер. с англ. М., 1971. С. 42–46; История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 2: 1939–1945 гг. М., 1962. С. 17.

⁶⁸ Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 109–112.

⁶⁹ Год кризиса. Т. 1. С. 341–342; Мосли Л. Указ. соч. С. 212–218; Иванов А.Г. Указ. соч. С. 163–164.

1 апреля Берлин пригрозил расторгнуть англо-германское военно-морское соглашение 1935 г., если Лондон не прекратит политику «окружения Германии». Началось конкретное военное планирование, задачи которого были определены «Директивой о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг.», утвержденной А. Гитлером 11 апреля. Теперь германское руководство было озабочено локализацией будущего конфликта. 7–12 апреля Италия оккупировала Албанию, что нарушало англо-итальянское соглашение о сохранении статус-кво на Средиземном море. 13 апреля Англия и Франция дали гарантии Румынии и Греции, а 12 мая – Турции, что должно было не допустить сближения этих стран с Германией и поддержать англо-французский престиж. 15 апреля президент США предложил Германии и Италии дать обещание не нападать на 31 упомянутую в его послании страну в течение 10 лет в обмен на поддержку в вопросе о равных правах в международной торговле. 28 апреля Германия расторгла англо-германское морское соглашение 1935 г. и договор о ненападении с Польшей 1934 г., а 30 апреля неофициально информировала Францию, что либо Лондон и Париж убедят Польшу пойти на компромисс, либо Германия будет вынуждена наладить отношения с Москвой⁷⁰.

По мнению большинства исследователей, именно экспансионистские действия Германии и Италии в марте – апреле 1939 г. положили начало предвоенному политическому кризису, что вынудило Англию и Францию начать зондаж позиции СССР⁷¹. М.Л. Коробочкин указывает, что отход от Мюнхенского соглашения в политике Германии начался еще осенью 1938 г., а действия Германии весной 1939 г. потребовали от Англии поисков союзников для сдерживания германской экспансии, но не для войны с ней, поскольку в Лондоне хотели решить эту задачу без применения силы⁷². В литературе в той или иной степени признается, что с весны 1939 г. Англия и Франция стали отходить от однозначной линии на «умиротворение» Гитлера. По мнению М.И. Семиряги, с марта 1939 г. Англия и Франция решили, не теряя связи с Германией, достичь определенных соглашений и с СССР. Вслед за западной историографией автор считает, что это был «новый курс» Лондона и Парижа, поскольку были даны гарантии Польше и другим странам Восточной Европы, а Советскому Союзу было предложено заключить соглашение о взаимодействии⁷³.

1 апреля Москва уведомила Лондон, что, поскольку вопрос о декларации отпал, «мы считаем себя свободными от всяких обязательств». На вопрос, намерен ли СССР впредь помогать жертвам агрессии, был дан ответ, «что, может быть, помогать будем в тех или иных случаях, но что мы считаем себя ничем не связанными и будем поступать сообразно своим интересам»⁷⁴. 1–2 апреля в ходе контактов с польским послом в Москве советская сторона вновь убедилась в том, что Польша не готова к антигерманскому сотрудничеству⁷⁵. 4 апреля было опубликовано Сообщение ТАСС, в котором указывалось, что вопреки заявлениям французских газет Советский Союз не брал на себя обязательств «в случае войны снабжать Польшу военными материалами и закрыть свой сырьевой рынок для Германии»⁷⁶. В тот же день, ориентируя советского полпреда в Германии об общих принципах советской политики, нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов отметил, что «задержать и приостановить агрессию в Европе без нас

⁷⁰ Год кризиса. Т. 1. С. 378–379; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 218–221; *Фомин В.Т.* Указ. соч. С. 567–571.

⁷¹ *Панкратова М.И.* В канун второй мировой войны. 1939 г. // Новая и новейшая история. 1985. № 5. С. 101; *Столс В.Я.* Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1989. С. 222–225; 1939 год. Уроки истории. М., 1990. С. 298–299; *Севостьянов Г.Н.* Московские переговоры в 1939 г. и позиция США // Новая и новейшая история. 1988. № 3. С. 107.

⁷² *Коробочкин М.Л.* Документы кабинета министров Великобритании об англо-франко-советских переговорах 1939 г. // Предвоенный кризис 1939 года в документах. М., 1992. С. 72–74.

⁷³ *Семиряга М.И.* Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М., 1992. С. 12–14.

⁷⁴ Год кризиса. Т. 1. С. 355.

⁷⁵ Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее – ДМИСПО). Т. 7: 1939–1943 гг. М., 1973. С. 71–75, 78–80; Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 62–64.

⁷⁶ Известия. 1939. 4 апреля; ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 246.

невозможно, и чем позже к нам обратятся за нашей помощью, тем дороже нам заплатят»⁷⁷. В ходе беседы с Литвиновым 4 апреля польский посол в Москве В. Гжибовский высказал мысль, что, «когда нужно будет, Польша обратится за помощью к СССР». В ответ Литвинов вполне здраво заметил, что «она может обратиться, когда уже будет поздно», и для советской стороны «вряд ли приемлемо положение общего автоматического резерва»⁷⁸. Тем самым польскому послу давали понять, что вопрос о советской помощи следует заранее согласовать.

11 апреля Германия предприняла зондаж позиции СССР на предмет улучшения отношений, но советская сторона предпочла занять выжидательную позицию. В тот же день Англия запросила Советский Союз, чем он может помочь, в случае необходимости, Румынии. 11 апреля в письме советскому полпреду во Франции М.М. Литвинов отметил, что Англия и Франция стремятся получить от Советского Союза одностороннее обязательство защищать Польшу и Румынию, полагая, что поддержка этих стран отвечает советским интересам. «Но мы свои интересы всегда сами будем созывать и будем делать то, что они нам диктуют. Зачем же нам заранее обязываться, не извлекая из этих обязательств решительно никакой выгоды для себя?»⁷⁹. Нарком выразил озабоченность английскими гарантиями Польше, поскольку они могли в определенных условиях принять антисоветскую направленность⁸⁰. 13 апреля Франция подтвердила франко-польский союзный договор 1921 г., а 14 апреля предложила СССР обменяться письмами о взаимной поддержке в случае нападения Германии на Польшу и Румынию на основе советско-французского договора о взаимопомощи 1935 г. Одновременно Париж приглашал Москву внести собственное предложение о сотрудничестве. В тот же день Англия предложила СССР заявить о поддержке своих западных соседей в случае нападения на них. 17 апреля в ответ на предложения Англии и Франции СССР предложил этим странам заключить договор о взаимопомощи. Оккупировав Чехию, Германия стала препятствовать выполнению советских военных заказов чешскими предприятиями. Выражение Советским Союзом дипломатического протеста 17 апреля было использовано сторонами для взаимных зондажей. В тот же день Польша и Румыния подтвердили, что их союзный договор направлен только против СССР⁸¹.

18 апреля польская сторона довела до сведения Германии, что она «может быть уверена, что Польша никогда не позволит вступить на свою территорию ни одному солдату Советской России». Тем самым, Польша вновь доказывала, что «она является европейским барьером против большевизма» и окажет влияние на Англию, чтобы та не пошла на соглашение с Советским Союзом без учета интересов Варшавы⁸². 22 апреля В. Гжибовский сообщил М.М. Литвинову, что Польша отклонила германские предложения, «ни в коем случае не допустит влияния Германии» на свою внешнюю политику и, как и СССР, заинтересована в независимости стран Прибалтики⁸³. Естественно, советское руководство тщательно отслеживало развитие событий на международной арене и, в частности, позицию Варшавы. Так же как и Англия, Советский Союз старался избегать всего, что могло бы толкнуть Польшу на уступки Германии. Вместе с тем, Москва негативно оценивала нежелание Варшавы взаимодействовать с Советским Союзом в коллективных действиях против агрессии⁸⁴. 29 апреля Литвинов предостерег польскую сторону от уступок Берлину и указал на антисоветскую направленность польско-румынского союз-

⁷⁷ ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 252–253.

⁷⁸ Год кризиса. Т. 1. С. 357–359.

⁷⁹ Там же. С. 371.

⁸⁰ Там же. С. 370–372.

⁸¹ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 55.

⁸² ДМИСПО. Т. 7. С. 88–89; Год кризиса. Т. 1. С. 389–390; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 55.

⁸³ Год кризиса. Т. 1. С. 394–395.

⁸⁴ Там же. С. 314–315.

ного договора⁸⁵. Однако Польша вновь подтвердила Румынии, что ее принципиальное отношение к Советскому Союзу не изменилось⁸⁶. Тем временем 25 апреля Париж предложил Москве взять на себя обязательство помочь Англии и Франции в случае их вступления в войну и обеспечить тем самым себе англо-французскую поддержку. 29 апреля Париж уточнил свое предложение в том смысле, что в случае вступления Англии, Франции или Советского Союза в войну с Германией они обязуются помогать друг другу⁸⁷. Тем временем 26 апреля Лондон неофициально уведомил Берлин, что советское предложение принято не будет⁸⁸.

В 1939 г. именно эти апрельские контакты Англии, Франции и СССР считались началом политических переговоров между ними. Теперь же вопрос об инициаторе начала переговоров подается по-разному, при том, что авторы далеко не всегда уточняют, о каких именно событиях идет речь. Большинство исследователей называет инициатором переговоров Советский Союз⁸⁹, и лишь некоторые – Англию⁹⁰, что более справедливо, поскольку опирается на соответствующие дипломатические документы. При этом никто не оспаривает тот факт, что именно СССР предложил Лондону и Парижу договор о взаимопомощи.

Цели Англии и Франции в ходе начавшихся переговоров с СССР не вызывают в отечественной историографии существенных разногласий. В основном воспроизводится официальная советская версия, согласно которой Англия и Франция хотели отвести от своих стран угрозу войны; предотвратить возможное советско-германское сближение; демонстрируя сближение с СССР, достичь соглашения с Германией; втянуть Советский Союз в будущую войну и направить германскую агрессию на Восток⁹¹. Как правило, отмечается, что Англия и Франция, стремясь сохранить видимость переговоров, в то же время не желали равноправного союза с СССР⁹². Ныне эти оценки пополнились указанием на то, что Франция была заинтересована в военном соглашении и вообще Запад был более заинтересован в союзе с СССР, нежели советское руководство – в союзе с Англией и Францией⁹³. Правда, подобные тезисы, заимствованные

⁸⁵ ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 320–321.

⁸⁶ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 57.

⁸⁷ Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 74; Год кризиса. Т. 1. С. 399, 413–414; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 119–127; *Карлей М.Д.* 1939. Альянс, который не состоялся, и приближение Второй мировой войны. Пер. с англ. М., 2005. С. 167–183.

⁸⁸ *Вишлев О.В.* «Большая политика»: март – май 1939 года (к предыстории советско-германского договора о ненападении) // Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001. С. 222.

⁸⁹ *Севостьянов Г.Н.* Европейский кризис и позиция США. 1938–1939. С. 181; *Розанов Г.Л.* Сталин – Гитлер: Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939–1941 гг. М., 1991. С. 62; *Прозектор Д.М.* Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989. С. 189; *Волкозюнов Д.А.* Триумф и трагедия: Политический портрет И.В.Сталина. В 2 кн. М., 1989. Кн. 2. Ч. 1. С. 17; *Панкрашова М.И.* Указ. соч. С. 105–108; *Панкрашова М.И.* Англо-франко-советские переговоры 1939 г. // Международная жизнь. 1989. № 8. С. 28; История внешней политики СССР. Т. 1. М., 1986. С. 352; Военно-исторический журнал. 1989. № 8. С. 34; *Волков С.В., Емельянов Ю.В.* До и после секретных протоколов. М., 1990. С. 103; *Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны. (Очерки о проблемных вопросах Великой Отечественной войны). М., 1995. С. 43.

⁹⁰ *Ситолс В.Я.* Указ. соч. С. 226–227; 1939 год. Уроки истории. С. 299; в статье «Москва, Спиридоновка, 17» автор не подтверждает это мнение, см.: Военно-исторический журнал. 1989. № 7. С. 73.

⁹¹ *Панкрашова М.И.* Указ. соч. С. 105–108; *Панкрашова М.И.* Указ. соч. С. 39; *Прозектор Д.М.* Указ. соч. С. 193; *Волкозюнов Д.А.* Указ. соч. С. 17–18; *Ржевский О.А.* Москва, Спиридоновка, 17 // Военно-исторический журнал. 1989. № 7. С. 72–73; 1939 год. Уроки истории. С. 300; Новая и новейшая история. 1988. № 3. С. 112–114; *Севостьянов Г.Н.* Указ. соч. С. 177–184; *Секистов В.А.* Война и политика. М., 1989. С. 41; *Ситолс В.Я.* Указ. соч. С. 225; *Розанов Г.Л.* Указ. соч. С. 55–58; *Волков С.В., Емельянов Ю.В.* Указ. соч. С. 99–100; *Шуранов Н.П.* Политика кануна Великой Отечественной войны. Кемерово. 1992. С. 18–66; *Гареев М.А.* Указ. соч. С. 37, 46.

⁹² *Панкрашова М.И.* Указ. соч. С. 36; Новая и новейшая история. 1985. № 5. С. 111; *Севостьянов Г.Н.* Указ. соч. С. 196–201; *Ситолс В.Я.* Указ. соч. С. 247–252; *Розанов Г.Л.* Указ. соч. С. 58; 1939 год. Уроки истории. С. 302–303; *Секистов В.А.* Указ. соч. С. 41–42; История внешней политики СССР. Т. 1. С. 352–376; *Прибылов В.И.* Тринадцать дней в августе 1939 г. // Военно-исторический журнал. 1989. № 8. С. 34; *Прозектор Д.М.* Указ. соч. С. 193–195; *Самсонов А.М.* Вторая мировая война. 1939–1945. М., 1990. С. 26–27; *Волков С.В., Емельянов Ю.В.* Указ. соч. С. 105–106; *Волкозюнов Д.А.* Указ. соч. С. 17–23; *Загладин Н.В.* История успехов и неудач советской дипломатии. М., 1990. С. 110; *Гареев М.А.* Указ. соч. С. 32–37, 44–47.

⁹³ *Белоусова З.С.* Предвоенный кризис 1939 года в освещении французских дипломатических документов // Предвоенный кризис 1939 года в документах. С. 16–18; *Коробочкин М.Л.* Указ. соч. С. 88–90.

из западной историографии, следовало бы доказать. Ведь реальная политика Англии и Франции, как верно отметил О.В. Вишлев, только затрудняла создание системы коллективной безопасности, поскольку это требовало признание равноправия СССР в европейских делах. Такая уступка не привлекала Лондон и Париж, опасавшихся, что в случае создания реальной антигерманской коалиции возможен крах нацистского режима в Германии и фашистского в Италии и «большевизация» этих стран. Поэтому все эти дипломатические шаги западных союзников были направлены лишь на запугивание Германии и достижение договоренности с ней⁹⁴.

Основная дискуссия продолжается по вопросу о целях СССР на этих переговорах. Как правило, считается, что советское руководство ставило перед своей дипломатией три основные задачи: 1) предотвратить или 2) оттянуть войну и 3) сорвать возможный единый антисоветский фронт⁹⁵. М.И. Панкрашова, отмечая, что Англия и Франция исходили в своих действиях из заинтересованности СССР в сохранении «санитарного кордона», указывает, что Советский Союз был заинтересован в ликвидации этого «кордона» (т. е. изменении статус-кво в Восточной Европе), поскольку его западные соседи могли сговориться с Германией на антисоветской основе⁹⁶. В.Я. Сиполс, наоборот, полностью отклоняет эту версию, заявляя, что СССР был заинтересован в сохранении положения дел в Восточной Европе⁹⁷. Если сторонники официальной советской версии считают, что стратегической целью советского руководства летом 1939 г. было обеспечение безопасности СССР в условиях начавшегося кризиса в Европе⁹⁸, то их критики отмечают, что советская внешняя политика способствовала столкновению Германии с Англией и Францией, что было необходимо для успеха дела расширения зоны «социализма», поскольку возникновение войны в Европе открывало дорогу к достижению «мировой революции»⁹⁹. По мнению ряда авторов, с марта 1939 г. СССР получил возможность выбирать, с кем ему договариваться, а следовательно, вовсе не находился в международной изоляции, поскольку в переговорах с ним были заинтересованы и Англия с Францией, и Германия¹⁰⁰.

Правда, следует помнить, что для Англии и следующей в ее фарватере Франции на переговорах с СССР речь шла, прежде всего, не о достижении взаимоприемлемого соглашения, а всего лишь о затяжке переговоров, что можно было использовать для давления на Германию. В отношении же Берлина Лондон и Париж то делали грозные заявления, то намекали на готовность к соглашению, убеждая тем самым германское руководство в том, что оно может не опасаться решительных действий с их стороны¹⁰¹. С 13.15 до 16.50 21 апреля в Кремле состоялось совещание по проблемам советской внешней политики в условиях зондажей Германии и советских предложений Англии и Франции, материалы которого все еще остаются секретными. 3 мая, когда стало ясно, что Англия и Франция не приняли советское предложение,

⁹⁴ Вишлев О.В. Указ. соч. С. 216–217.

⁹⁵ Волкогонов Д.А. Указ. соч. С. 14–15; Военно-исторический журнал. 1989. № 8. С. 32–40; Розанов Г.Л. Указ. соч. С. 77.

⁹⁶ Новая и новейшая история. 1985. № 5. С. 107–108.

⁹⁷ Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 230–234.

⁹⁸ См., напр.: Якушевский А.С. Советско-германский договор о ненападении: взгляд через годы // Вопросы истории КПСС. 1988. № 8. С. 88; Волков С.В., Емельянов Ю.В. Указ. соч. С. 123–138; Хорьков А.Г. Грозовой июнь. М., 1991. С. 153–154; Анфилов В.А. Крушение похода Гитлера на Москву. 1941 год. М., 1989. С. 7–11; Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 280; Шуранов Н.П. Указ. соч. С. 65.

⁹⁹ Белоусова З.С. Указ. соч. С. 15; Загладин Н.В. Указ. соч. С. 110–112; Некрич А.М. 1941, 22 июня. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1995. С. 27–33; Семиряга М.И. Указ. соч. С. 7–8, 31; Кулиш В.М. У порога войны // Общественные науки. 1989. № 4. С. 125–126; История и сталинизм. М., 1991. С. 235–237; Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 46–47; Сахаров А.Н. Война и советская дипломатия: 1939–1945 гг. // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 28–29; Буроменский М. Август 1939: поворот, которого не было // Знание – сила. 1991. № 6. С. 42–47; № 7. С. 74–77.

¹⁰⁰ Случ С.З. О некоторых проблемах дипломатической борьбы в канун второй мировой войны // Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989. С. 98–99; Альтернативы 1939 года. М., 1989. С. 140; Чельшев И.А. СССР – Франция: трудные годы 1938–1941. М., 1999. С. 98.

¹⁰¹ Вишлев О.В. Указ. соч. С. 220–222.

вместо М.М. Литвинова народным комиссаром иностранных дел был назначен В.М. Молотов, по совместительству оставшийся главой СНК СССР¹⁰².

Западные страны не прореагировали на это событие, а Германия, убедившись, что Япония не пойдет на договор, направленный против западных держав, 5 мая заявила об удовлетворении требований СССР относительно возобновления поставок из Чехии. 10 мая в Берлине было решено активизировать зондажи Советского Союза, но в ходе контактов 9, 15 и 17 мая советская сторона отмечала, что именно от Берлина зависит улучшение двусторонних отношений. 8 мая в Москву поступил английский ответ на советское предложение трехстороннего пакта, в котором СССР предлагалось помочь Англии и Франции, если они вступят в войну в силу взятых на себя обязательств в отношении Польши и Румынии. Английское руководство в оценке советского предложения исходило из того, что союз с Советским Союзом перекрыл бы путь к англо-германской договоренности, что могло привести к войне, а этого Лондон стремился избежать, поэтому английское предложение не содержало упоминаний о помощи Москве. 9—10 мая в ответ на советские предложения Польша заявила, что не пойдет на союз с Москвой¹⁰³.

11 мая в передовой статье газеты «Известия» анализировались изменения международной ситуации в последние недели. Газета утверждала, что остановить агрессию может только союз Англии, Франции и СССР, но эта позиция советского руководства не находит поддержки в Лондоне и Париже, которые не хотят равноправного договора с Москвой. В статье утверждалось, что СССР не имеет пактов о взаимопомощи ни с Англией, ни с Францией (?!), ни с Польшей¹⁰⁴. 14 мая советская сторона вновь предложила своим западным партнерам заключить договор о взаимопомощи с военной конвенцией и дать гарантии малым странам Центральной и Восточной Европы. В тот же день Англия неофициально предложила Германии углубить экономические переговоры¹⁰⁵. Вообще за последние два с половиной месяца политика западных союзников в отношении Германии развернулась на 180 градусов. Если в марте – апреле Англия и Франция делали заявления с угрозами в адрес Германии, то в первой половине мая они всего лишь демонстрировали спокойную уверенность в своих силах, а к началу июня призывали Берлин к переговорам¹⁰⁶.

17 мая по разведывательным каналам Москва получила информацию о намерениях Германии разгромить Польшу, если та не примет германские предложения, и «добиться нейтралитета» СССР¹⁰⁷. Советское руководство было заинтересовано в ее проверке и в отслеживании германо-польских отношений, в которых в 20-х числах мая возникла видимость готовности Варшавы к соглашению. Поэтому советский посол в Варшаве Н.И. Шаронов провел 25 мая и 2 июня беседы с Ю. Бекком, в ходе которых убедился в том, что Польша согласится только на почетные предложения со стороны Германии, но на уступки, затрагивающие ее независимость, она не пойдет. Со своей стороны Шаронов, предостерегая Польшу от уступок Германии, вновь напомнил о готовности договориться о размерах советской помощи¹⁰⁸. 30 мая Бек заявил, что «следовало бы еще раз сделать попытку разумного компромисса» с Германией¹⁰⁹. Советская

¹⁰² Год кризиса. Т. 1. С. 424; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 129–139; На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. М., 2008. С. 257.

¹⁰³ Год кризиса. Т. 1. С. 435–436, 437–438, 441–442, 444, 465–466.

¹⁰⁴ Там же. С. 451–454.

¹⁰⁵ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. – август 1939 г.): Документы и материалы. М., 1971. С. 396–398; Год кризиса. Т. 1. С. 461–463.

¹⁰⁶ *Вишлев О.В.* Указ. соч. С. 225.

¹⁰⁷ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 493. Л. 145–154, 159, 178–179; Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 216–219; Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 – июнь 1941 г. М., 2008. С. 81–84.

¹⁰⁸ ДМИСПО. Т. 7. С. 111–112, 115–116; ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 393, 418.

¹⁰⁹ ДМИСПО. Т. 7. С. 114–115.

сторона прекрасно понимала, что Польша ищет соглашения с Германией, которое не выглядело бы «как капитуляция»¹¹⁰, а также и то, что по мере углубления кризиса шансы Советского Союза получить более приемлемые предложения от заинтересованных сторон будут только возрастать.

Тем временем в мае 1939 г. Польша предложила Франции подписать декларацию о том, что «Данциг представляет жизненный интерес для Польши», но Париж уклонился от этого. 14–19 мая в ходе франко-польских переговоров о военной конвенции Франция обещала поддержать Варшаву в случае угрозы Данцигу и при нападении Германии на Польшу «начать наступление против Германии главными силами своей армии на 15-й день мобилизации». Правда, из текста соглашения была изъята фраза об «автоматическом оказании военной помощи всеми родами войск»¹¹¹, а его подписание было отложено до заключения политического договора. Англо-польские переговоры 23–30 мая привели к тому, что Лондон обещал в случае войны предпринять воздушные бомбардировки Германии силами не менее 1 300 боевых самолетов. Это было заведомым обманом, поскольку никаких наступательных действий на западе Германии англо-французское командование не предусматривало вообще. Очередные англо-французские военные переговоры показали, что союзники знают о наступательных намерениях Германии на Востоке, но не знают, как долго может затянуться война в Польше. Англо-французское руководство опасалось германских ВВС, сведения о которых были чрезмерно завышенными, и считало, что союзники не готовы к войне с Германией, а поэтому было бы лучше, чтобы война в Польше продолжалась как можно дольше. Хотя английские военные сделали вывод о том, что гарантии провоцируют Германию на вторжение в Польшу, никаких мер помощи ей предложено не было. Естественно, Варшаву об этом не уведомили¹¹². Более того, уже 20–25 мая Лондон предложил Парижу план передачи Данцига Германии¹¹³. 27 мая Англия обратилась к Польше с просьбой в случае обострения ситуации вокруг Данцига не предпринимать никаких действий без консультации с Лондоном и Парижем. 30 мая Варшава ответила согласием, но указала, что возможна ситуация, когда будут необходимы быстрые действия¹¹⁴.

20 мая германская сторона предложила СССР возобновить экономические переговоры, а советская сторона наметнула на необходимость подведения под советско-германские отношения «политической базы», то есть предложила Германии внести конкретные предложения. В тот же день Берлин получил из Лондона сведения о трудностях на англо-франко-советских переговорах, а Франция зондировала позицию Германии на предмет улучшения отношений¹¹⁵. Поэтому 21 мая германское руководство решило не торопить события в Москве. 24 мая Англия решила какое-то время поддерживать переговоры с СССР, и 27 мая Москва получила новые англо-французские предложения, предусматривавшие заключение договора о взаимопомощи на 5 лет, консультации в случае необходимости, но упоминавшие Лигу Наций. Этот шаг Англии, в свою очередь, подтолкнул Германию 30 мая вновь попытаться уточнить в Москве, что означает фраза о «политической базе», но советская сторона предпочла занять позицию выжидания¹¹⁶.

¹¹⁰ Год кризиса. Т. 1. С. 496–497, 498; Т. 2. С. 112–113; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 160–161.

¹¹¹ История второй мировой войны. 1939–1945 гг. В 12 т. Т. 2. М., 1974. С. 353; Мосли Л. Указ. соч. С. 246–248; Кимхе Д. Указ. соч. С. 59–61; Фомин В.Т. Указ. соч. С. 595–596.

¹¹² История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 2. С. 353; Мосли Л. Указ. соч. С. 246–248; Кимхе Д. Указ. соч. С. 55–67; Фомин В.Т. Агрессия фашистской Германии в Европе 1933–1939. С. 595–596; Фомин В.Т. Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. С. 95–100.

¹¹³ Некрич А.М. Указ. соч. С. 310–311; Дембски С. Советский Союз и вопросы польской политики равновесия в преддверии пакта Риббентропа – Молотова 1938–1939 годы // Отечественная история. 2001. № 2. С. 78.

¹¹⁴ ДМИСПО. Т. 7. С. 112–114.

¹¹⁵ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939. М., 1981. Т. 2. С. 94–95; Год кризиса. Т. 1. С. 482–484; Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 155–156.

¹¹⁶ Год кризиса. Т. 1. С. 508–513, 518–522; Фолин В.М. Указ. соч. С. 102–103.

Тем временем 7 мая был парафирован, а 22 мая подписан «Стальной пакт» между Германией и Италией. 23 мая, выступая перед военными, А. Гитлер четко обозначил основную проблему германской внешней политики – стремление вернуться в число «могущественных государств», для чего требовалось расширить «жизненное пространство», что было невозможно «без вторжения в чужие государства или нападения на чужую собственность». Германии было необходимо создать продовольственную базу на Востоке Европы на случай дальнейшей борьбы с Западом. С этой проблемой был тесно связан вопрос о позиции Польши, которая сближалась с Западом, не могла служить серьезным барьером против большевизма и являлась традиционным врагом Германии. Поэтому следовало «при первом же подходящем случае напасть на Польшу», обеспечив нейтралитет Англии и Франции. Далее Гитлер сделал обзор возможных дипломатических комбинаций и высказал общие соображения на случай войны с Западом, в которых в общем виде была сформулирована программа достижения Германией гегемонии в Европе¹¹⁷.

31 мая в выступлении В.М. Молотова на III сессии Верховного Совета СССР прозвучала критика позиции Англии и Франции на переговорах, которые, по мнению Москвы, лишь демонстрировали уступки и не хотели дать гарантии государствам Прибалтики. Поэтому «пока нельзя даже сказать, имеется ли у этих стран серьезное желание отказаться от политики невмешательства, от политики непротивления дальнейшему развертыванию агрессии. Не случится ли так, что имеющееся стремление этих стран к ограничению агрессии в одних районах не будет служить препятствием к развязыванию агрессии в других районах?» СССР следовало соблюдать осторожность и не дать втянуть себя в войну. В этих условиях, отметил Молотов, «мы вовсе не считаем необходимым отказываться от деловых связей» с Германией и Италией, не исключено, что германо-советские экономические переговоры могут возобновиться¹¹⁸. Тем самым Москва стремилась оказать давление как на Англию и Францию, так и на Германию.

2 июня возобновились советско-германские экономические контакты, а СССР вручил Англии и Франции новый проект договора. Эстония и Латвия высказались против гарантий их независимости со стороны Англии, Франции и СССР и 7 июня заключили с Германией договоры о ненападении. 6–7 июня Англия и Франция высказались в пользу соглашения с Советским Союзом, а Париж сообщил Москве, что Польша не против англо-франко-советского договора, но «быть четвертым не хочет, не желая давать аргументы Германии», и «надеется на расширение торговли с СССР»¹¹⁹. 8 июня Москва согласилась на предложение Берлина возобновить экономические переговоры. Советская сторона вновь намекала на необходимость создания «политической базы», ожидая, что Германия сделает конкретное предложение, но Берлин не спешил. 9 июня Варшава уведомила Лондон, что «не может согласиться на упоминание Польши в англо-франко-советском договоре о взаимопомощи. Принцип оказания Советским Союзом помощи государству, подвергнутому нападению, даже без согласия этого последнего мы считаем в отношении Польши недопустимым, в отношении же прочих государств – опасным нарушением стабилизации и безопасности в Восточной Европе. Установление объема помощи Советов, по нашему мнению, возможно единственно путем переговоров между государством, подвергшимся нападению, и СССР»¹²⁰. Понятно, что подобные заявления не улучшали советско-польских отношений. Если в ходе советско-польских торговых переговоров в начале 1939 г. Польша не пошла на урегулирование вопроса о транзите, и он был отложен на будущее, то теперь советская сторона 9 июня отказалась от его обсуждения¹²¹. Убедившись в

¹¹⁷ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. В 2 т. Т. 1. М., 1973. С. 132–137; Год кризиса. Т. 1. С. 493–495; Ушаков В.Б. Внешняя политика гитлеровской Германии. М., 1961. С. 161–164.

¹¹⁸ Год кризиса. Т. 1. С. 523–527.

¹¹⁹ ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 427.

¹²⁰ ДМИСПО. Т. 7. С. 120–121.

¹²¹ Там же. С. 40; ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 450–451; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 162–163.

нежелании Варшавы идти на соглашение с Москвой, советская сторона вернулась к традиционной политике, направленной на недопущение германо-польского сближения.

12 июня Москва уведомила Лондон, что без гарантий странам Прибалтики СССР не пойдет на подписание договора. 13 июня Англия зондировала Германию на предмет переговоров по вопросам свертывания гонки вооружений, экономического соглашения и колоний¹²². 14 июня в Москву прибыл заведующий отделом Центральной Европы МИД Англии У. Стрэнг, получивший задание тянуть время, избегая вместе с тем создавать впечатление, что Лондон настроен против соглашения. На следующий день советской стороне был передан новый английский проект, и англо-франко-советские переговоры стали более регулярными. 16 июня СССР вновь потребовал от Англии и Франции взаимности и гарантий странам Прибалтики, или заключения простого тройственного договора без гарантий третьим странам¹²³.

14 июня временный поверенный в делах СССР в Берлине Г.А. Астахов в беседе с болгарским посланником П. Драгановым получил данные о тех проблемах, которые Берлин, вероятно, будет готов обсудить с Москвой. Экономические контакты 17 и 25 июня завершились неудачей, поскольку Германия посчитала советские требования слишком высокими, а СССР настаивал на принятии своих предложений. Вместе с тем выяснилось, что Германия ждет ответного жеста с советской стороны на свои предыдущие зондажи. 21 июня последовало новое англо-французское предложение СССР, в ответ на которое Москва 22 июня вновь предложила заключить простой трехсторонний договор с Англией и Францией, оставив за своими партнерами право выбора. 26 июня от итальянских дипломатов советская сторона узнала о наличии «плана Шуленбурга», предполагавшего поэтапное улучшение советско-германских отношений на основе германского содействия нормализации советско-японских отношений, заключения пакта о ненападении или гарантий Прибалтике и заключения широкого торгового соглашения¹²⁴. 27 июня Англия опять зондировала Германию на предмет переговоров. 28 июня Германия вновь заявила о необходимости нормализации советско-германских отношений, но Москва так и не услышала конкретных предложений, поскольку А. Гитлер запретил торопить события¹²⁵.

29 июня в газете «Правда» появилась статья члена Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданова, в которой отмечалось, что англо-франко-советские переговоры «зашли в тупик», поскольку Англия и Франция «не хотят равного договора с СССР». Именно Лондон и Париж затягивают переговоры, что «позволяет усомниться в искренности» этих стран, не желающих дать гарантии государствам Прибалтики и стремящихся возложить на СССР «всю тяжесть обязательств». Скорее всего, Англия и Франция хотят «лишь разговоров о договоре» с тем, чтобы облегчить себе путь для сделки с агрессором. Естественно, что без учета интересов СССР Москва не пойдет на договор, поскольку «не хочет быть игрушкой в руках людей, любящих загребать жар чужими руками»¹²⁶. В тот же день в выступлении министра иностранных дел Англии Э. Галифакса прозвучала мысль о возможности переговоров с Германией по вопросам, которые «внушают миру тревогу». К этим вопросам он отнес «колониальную проблему, вопрос о сырье, торговых барьерах, «жизненном пространстве», об ограничении вооружений и многое другое, что затрагивает европейцев»¹²⁷.

В июне 1939 г. Германия все еще не получила твердого ответа на основной вопрос, что будут делать Англия и Франция в случае германо-польской войны. В Берлине опасались

¹²² Год кризиса. Т. 2. С. 5–6, 17, 27–28.

¹²³ Там же. С. 31–36; *Фалин В.М.* Указ. соч. С. 103.

¹²⁴ Год кризиса. Т. 2. С. 29–30, 38–40, 45–48, 61–62.

¹²⁵ Там же. С. 64–67.

¹²⁶ Там же. С. 71–73.

¹²⁷ Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 378.

лись английских ВВС и французской армии, которые в случае своего вмешательства в германо-польскую войну могли значительно осложнить положение Германии. В начале июня англо-германские контакты показали, что Лондон выступает за компромисс и опасается германских ВВС, а Берлин уверен, что его твердая позиция влияет на Англию в нужном направлении. 15 июня Берлин намекнул Лондону, что английские гарантии Польше провоцируют Германию на применение силы и их надо отозвать. В конце июня в Берлине получили сведения, что Англия проводит некоторые меры по подготовке к войне, но правительство воевать не хочет, хотя и располагает значительными вооруженными силами, а планы крупных операций отсутствуют. Продолжая политику изоляции Польши на международной арене, германское руководство решило тщательно маскировать свои военные приготовления, чтобы не дать Англии и Франции повода для ускорения военных приготовлений. В июне в ходе очередных англо-французских военных переговоров было решено, что союзники не станут помогать Польше, постараются удержать Италию от вступления в войну и не станут предпринимать контрударов по Германии. В ходе англо-польских переговоров выяснилось, что Англия не станет поставлять в Польшу новейшую технику, а просимый Варшавой кредит был урезан с 50 до 8 млн ф. ст. Позиция Англии сводилась к тому, что Польша не получит помощи, но, когда война будет выиграна, ей возместят ущерб¹²⁸.

Здесь следует коротко остановиться на событиях, произошедших весной – летом 1939 г. за пределами Европы. Внутренние трудности в США, связанные с проведением политики «нового курса», требовали отвлечения внимания общественности на международные дела. Возникновение войны в Европе рассматривалось в Вашингтоне в качестве стимулятора развития американской экономики, поэтому летом 1939 г. в США началась подготовка экономики к действиям в условиях военного времени. Внимательно следя за событиями в Европе, где возрастала угроза войны, американское руководство старалось не вмешиваться в ход событий, ограничиваясь общепацифистскими заявлениями. США знали о ходе германских зондажей СССР и информировали об этом Англию и Францию, которые не придали значения этим сведениям (видимо, так составлялась информация). Лондон и Париж интересовали не общие фразы из Вашингтона, а то, какую помощь они могли бы получить от США в случае начала войны. В этом вопросе американское руководство занимало уклончивую позицию. С одной стороны, имели место полусекретные англо-американские и франко-американские контакты по вопросам получения американского вооружения, но с другой – в силе оставался закон о нейтралитете, затруднявший военные закупки в США. Сохранение в неизменном виде закона о нейтралитете объективно подталкивало войну в Европе, поскольку Германия считала, что США еще долго не вмешаются.

С весны 1939 г. администрация Ф. Рузвельта, стремясь облегчить себе внешнеполитическую деятельность, начала предпринимать некоторые меры по подготовке пересмотра закона о нейтралитете. Однако сторонники пересмотра закона действовали нерешительно, и после бурных дебатов 30 июня Палата представителей Конгресса США проголосовала против изменения закона о нейтралитете, а 11 июля решение этого вопроса было отложено до следующей сессии Конгресса в январе 1940 г. Это, однако, не мешало администрации и Конгрессу США в полном согласии увеличивать военные ассигнования и давать займы странам Латинской Америки, укрепляя свои позиции в регионе. Кроме того, американское руководство обещало Англии определенное содействие в войне с Германией и официально заявило о том, что США в силах защитить Новый Свет от любого посягательства извне. Вместе с тем США неоднократно заявляли Англии и Франции, что будут рассматривать новые уступки с их стороны в пользу Германии и Италии как угрозу своим национальным интересам со всеми вытекающими отсюда последствиями для Лондона и Парижа, и, наоборот, «в случае неспровоцированной агрессии

¹²⁸ Кимхе Д. Указ. соч. С. 68–90; Мосли Л. Указ. соч. С. 242–246.

Америка бросится на помощь Англии и Франции». В Вашингтоне прекрасно понимали, что неуступчивость Польши приведет к кризису, в который будет вынуждена вмешаться Англия, а война в Европе позволит США окончательно решить англо-американский спор о преобладающем влиянии в мире в свою пользу¹²⁹.

Осенью 1938 г. оживились переговоры о военно-политическом договоре между Германией, Италией и Японией. Однако вскоре стало ясно, что стороны по-разному видят перспективы дальнейшей экспансии. Германия настаивала на том, что договор должен был быть направлен как против СССР, так и против Англии, Франции и США, а Япония считала, что это должен быть исключительно антисоветский союз. Кроме того, в Берлине были недовольны тем, что Япония не спешила предоставить Германии определенные экономические преимущества в Китае. Требования Германии и Италии о подписании необходимого им договора натолкнулись на англо-франко-американский дипломатический нажим на Токио. 4 мая Япония заявила, что в данный момент не может принять германо-итальянское предложение. Со своей стороны США заявили Англии, что, пока не будет заключен англо-франко-советский договор, можно не опасаться создания германо-итало-японского блока.

11 мая начались бои на Халхин-Голе, а в конце мая Токио выдвинул идею созыва Тихоокеанской конференции с участием Англии, Франции, Германии, Италии, Японии и США для обсуждения проблем Дальнего Востока. В условиях благожелательного отношения Вашингтона Япония решила осуществить нажим на Англию, и в июне 1939 г. японо-английские отношения обострились. Начавшиеся 15 июля англо-японские переговоры вызвали озабоченность США и Франции, которые высказались против широких англо-японских договоренностей, но Лондону не удалось ограничиться решением Тяньцзиньского вопроса. 24 июля стороны опубликовали соглашение Арита – Крейги о признании Англией японских захватов в Китае, тем самым Лондон нарушил договор 9-ти держав. 13 июня СССР предоставил Китаю 150-млн долларовый заем, что способствовало росту советской популярности. Это требовало от США контрдействий, и 26 июля они заявили о денонсации с 1 января 1940 г. торгового договора с Японией, что широко использовалось американской пропагандой для подтверждения тезиса о помощи Китаю и отпоре агрессору. В этой ситуации Японии требовалась победа на Халхин-Голе, что должно было подкрепить ее авторитет и ускорить созыв конференции. Японские войска готовили наступление на 24 августа, но 20 августа в наступление перешли советские войска, и к 31 августа японская группировка была разгромлена. Уже 25 августа Япония заявила, что ввиду советско-германского пакта прекращает переговоры с Германией и Италией, правительство ушло в отставку, а 26 августа было решено нормализовать отношения с США¹³⁰.

¹²⁹ Секистов В.А. Указ. соч. С. 55; История второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. М., 1974. С. 339–345; Севастьянов Г.Н. Указ. соч. С. 240–259.

¹³⁰ Год кризиса. Т. 2. С. 122; Севастьянов Г.Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны. М., 1961. С. 396–518; Фокин В.Т. Указ. соч. С. 504–523.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.